

ИЗЪ АРХИВА БРАТЬЕВЪ ТУРГЕНЕВЫХЪ.

Смерть Андрея Ивановича Тургенева.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1801 года Андрей Ивановичъ Тургеневъ, старшій сынъ Ивана Петровича Тургенева, въ первый разъ выѣхалъ одинъ изъ родной семьи въ Петербургъ на службу. Разставанье было очень горестное. Изъ Москвы его провожали за нѣсколько верстъ родители, братья и друзья, среди которыхъ первое мѣсто занималъ Андрей Сергѣевичъ Кайсаровъ. Побывъ нѣкоторое время въ Петербургѣ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, Андрей Ивановичъ былъ посланъ въ Вѣну курьеромъ, откуда въ февралѣ 1803 года опять возвратился въ Петербургъ. Во все время своего отсутствія изъ Москвы онъ велъ дневникъ и писалъ большое количество писемъ, изъ которыхъ сохранились лишь немногія. Писать же письма приходилось ему помногу. Въ одномъ письмѣ еще изъ Петербурга въ Москву къ Андрею Сергѣевичу Кайсарову жалуется онъ на обиліе писемъ: „всякую почту пишу я не меньше семи писемъ; нынѣшнюю пишу девять“. Кромѣ того, ему приходилось много писать и для Коллегіи по дѣламъ службы. Въ томъ же письмѣ онъ сообщаетъ: „Всѣ дни эти былъ я занятъ и теперь еще занятъ претруднѣйшимъ переводомъ изъ Коллегіи, котораго и теперь еще не кончилъ, а торопятъ непремѣнно; вчера писалъ до того, что спина и глаза заболѣли. Здѣсь, братъ, не то, что въ Москвѣ: когда велѣтъ, то надобно дѣлать, не останавливаясь“. Кромѣ обширной переписки, не мало времени уходило на разъѣзды по знакомымъ и роднымъ, на обѣды у тѣхъ и другихъ, что дѣлать было необходимо въ виду улучшенія служебной карьеры. Последняя, надо сказать, двигалась впередъ не быстро. Его мать, всегда заботливо относившаяся къ карьерѣ своихъ сыновей, была недовольна медленнымъ ходомъ служебной дѣятельности Андрея Ивановича, что и выразила ему однажды

въ такомъ письмѣ: „Меня очень беспокоитъ, пишетъ она, что ты живешь въ Петербургѣ и что тебя никуда не посылаютъ. Я и надежду потеряла, чтобы тебя куда-нибудь послали, по той причинѣ, что слышно, будто Государь изволить ѣхать изъ Петербурга; безъ него, вѣрно, никакихъ отправленій не будетъ. Мнѣ бы гораздо утѣшнѣе было, ежели бы ты жилъ вмѣсто Шефонскаго въ Вѣнѣ, а не въ Петербургѣ. Постарайся навѣдаться о себѣ у Вестмана; право, это меня очень, очень крушитъ. Мнѣ кажется, что ты думаешь, что я все не дѣло къ тебѣ пишу, а на повѣрку выйдетъ, что я дѣло говорю. Очень бы желала чѣмъ-нибудь быть отъ тебя обрадованной, а ты ко мнѣ во все время ничего не напишешь“. Такое сѣтованіе уважаемой матушки, въ свою очередь, сокрушало Андрея Ивановича, хотя самъ по себѣ онъ и не отличался честолюбіемъ и не огорчался медленностью своей службы. Онъ сожалѣлъ, правда, о Вѣнѣ, но сожалѣлъ скорѣе о вѣнской жизни, нежели о выгодахъ вѣнской службы. Тѣмъ не менѣе, онъ успѣшилъ успокоить свою матушку и 25-го іюня (1803 г.) пишетъ ей: „Чувствительнѣйше благодарю васъ, Матушка, за ваше письмо, изъ котораго съ горестью вижу, что я не въ силахъ былъ принести вамъ ни малѣйшаго утѣшенія и спокойствія всѣми и сердечными просьбами моими о томъ, чтобы вы не столь много огорчались моею службой. Что мнѣ дѣлать? Тѣмъ ето мучительнѣе для меня, что ето происходитъ отъ вашей любви и нѣжности къ вашимъ дѣтямъ. Теперь бы я самъ чинъ и мѣсто почелъ за первое свое щастіе въ отношеніи къ вамъ. Я долго говорилъ съ Иваномъ Влад(иміровичемъ) о перемѣнѣ мѣста моей службы; но некоторое мѣсто о сю пору больше сихъ выгоды не обѣщаетъ. Вотъ какъ и мало-важная для меня неудача въ службѣ можетъ сдѣлать меня истинно несчастнымъ, нанося вамъ такое прискорбіе! Но сдѣлайте милость, Матушка, не теряйте надежды!“

Но этимъ надеждамъ не суждено было сбыться. 30-го іюня онъ пишетъ родителямъ въ Москву, что изъ ихъ письма отъ 22-го іюня онъ „съ крайнимъ огорченіемъ увидѣлъ, что Матушка не здорова“. „Надѣюсь и молю Бога, пишетъ онъ, о скорѣйшемъ выздоровленіи“. Черезъ нѣсколько дней, уже 3-го іюля, онъ пишетъ родителямъ: „Почтеннѣйшее писаніе ваше отъ 25-го іюня я къ моему сердечному удовольствію получилъ и съ живѣйшею радостью увидѣлъ изъ него, что Матушка опять здорова. Я тоже, благодаря Бога, здоровъ“. Это было 3-го іюля, а 8-го уже его не стало. Въ концѣ августа Алексѣй Федоровичъ Мерзляковъ такъ описываетъ Жуковскому смерть

Андрея Ивановича: „Ахъ, умеръ очень тяжело. Природа долго боролась съ болѣзнію; крѣпкое сложеніе причинило ему конвульсіи; въ четыре дни все совершилось. Онъ первоначально простудился, бывъ вымоченъ дождемъ. Пришедши домой, уснулъ въ мокромъ мундирѣ, котораго поутру на другой день не могли уже снять. Этого мало: въ полдень ѣлъ онъ мороженое и въ добавокъ не позвалъ къ себѣ хорошаго доктора; послѣ это было уже поздно; горячка съ пятнами окончила жизнь такого человѣка, который долженъ былъ пережить всѣхъ насъ“ (Русск. Архивъ 1871 г., стр. 142).

Смерть Андрея Ивановича поразила всѣхъ, его знавшихъ. Онъ умиралъ въ Петербургѣ, вдали отъ своихъ родныхъ, хотя и окруженный близкими друзьями, какъ Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, Петръ Сергѣевичъ Кайсаровъ. Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ былъ близкимъ другомъ Ивана Петровича, и почтеніе къ нему перешло отъ Ивана Петровича къ его дѣтямъ. Письма Александра Ивановича учившагося въ это время въ Геттингенѣ, къ родителямъ называютъ его постоянно „почтеннѣйшимъ благодѣтелемъ“. Письма Андрея Ивановича изъ Петербурга къ родителямъ постоянно говорятъ объ Иванѣ Владиміровичѣ въ томъ же духѣ. И вотъ этотъ Иванъ Владиміровичъ на другой день послѣ смерти Андрея Ивановича, 9-го іюля, первый пишетъ проникнутое глубокой скорбью утѣшительное письмо къ Ивану Петровичу, которое долженъ былъ отвезти въ Москву сожитель Андрея Ивановича—Петръ Сергѣевичъ Кайсаровъ: „Въ сердечной горести—такъ начинается онъ свое письмо—которую можешь себѣ представить, дражайшій другъ, и въ слезахъ бросаясь къ тебѣ на шею — совѣтую и прошу: покорись безропотно Судьбамъ Вышняго. Возьми крестъ этотъ, тяжкій, конечно, но возьми его, и иди за Спасителемъ. Послѣдуй Его преданности волѣ Отчей. Его милосердіе подкрѣпитъ тебя и утѣшитъ. То же—и любезнѣйшей Катеринѣ Семеновнѣ. Больше говорить нечего. Молитесь, только—молитесь!“ Сообщая далѣе, что въ Москву ѣдетъ Петръ Сергѣевичъ Кайсаровъ, Лопухинъ говоритъ о попеченіяхъ обоихъ братьевъ — Петра и Паисія, и прибавляетъ: „Все возможное было дѣлано — но, другъ мой, еще скажу — надо покориться волѣ Вышняго и въ преданности взять на себя сей крестъ, Богъ же дастъ силы нести. Ему себя и все предадимъ“.

Иванъ Петровичъ узналъ о смерти сына не скоро. Нужно было дать время Петру Сергѣевичу Кайсарову пріѣхать въ Москву, на что, конечно, требовалось въ то время нѣсколько дней. По крайней мѣрѣ 12-го іюля онъ еще ничего не зналъ; въ этотъ день онъ писалъ

письмо Александру Ивановичу, который, отвѣчая ему 9-го августа, также еще ничего не зналъ о кончинѣ брата. Но всѣ чувствовали, что смерть Андрея должна будетъ поразить его отца. Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ на другой день похоронъ Андрея съ тѣмъ же Петромъ Кайсаровымъ пишетъ своему брату въ Москву и упоминаетъ объ Иванѣ Петровичѣ. „Кайсаровъ—пишетъ онъ—объявилъ, Боже мой! о кончинѣ Андрея Ивановича. Какъ жаль! Что будетъ съ Иваномъ Петровичемъ?..“ и далѣе: „Бога ради, берегите Ивана Петровича. Ты, вѣрно, всѣ дружескія старанія приложишь. Не посылай ему этого пост-скрипта прежде пріѣзда Кайсарова“.

У насъ нѣтъ свѣдѣній, какъ объявилъ Кайсаровъ Ивану Петровичу и его семьѣ о смерти сына, какія сцены при этомъ разыгрались, но мы не можемъ сомнѣваться, что при этомъ имѣли мѣсто сцены сильно драматическія. Это мы можемъ заключить изъ тѣхъ послѣдующихъ фактовъ, о которыхъ мы узнаемъ изъ разнаго рода переписки по данному поводу. Ивана Петровича ударъ этотъ сразилъ: онъ заболѣлъ. 24-го іюля Мерзляковъ пишетъ изъ Москвы Жуковскому въ Бѣлевъ. „Ивану Петровичу стало гораздо лучше. Я у него былъ три дня тому назадъ. Онъ говорилъ со мною объ Андрѣ Ивановичѣ очень трогательно, сказывалъ, что отъ тебя получилъ письмо“ (Р. Ар. 1871, 141). Жуковский, проживавшій въ то время въ Бѣлевѣ, дѣйствительно, тотчасъ по полученіи извѣстія о смерти Андрея, написалъ слѣдующее утѣшительное письмо къ Ивану Петровичу: „Милостивый Государь Иванъ Петровичъ! Не думалъ и не хочу утѣшать Васъ. Я слишкомъ чувствую свою и вашу потерю. Только нынче узналъ я о своемъ несчастіи. Что дѣлать! Мое сердце разрывается, но горестъ и слезы его не возвратятъ. Ахъ, ударъ такъ неожиданенъ! Онъ такъ былъ достоинъ жизни! За что мы наказаны его потерю? Теперь, признаюсь, жизнь для меня утратила большую часть своей прелести; большая часть надеждъ моихъ исчезла. Мысль объ немъ была соединена въ душѣ моей со всѣми понятіями о щастіи! Но я не могу увѣрить себя, что его нѣтъ, и что я никогда не найду его въ этомъ свѣтѣ. Это ужасно. Думая о смерти, не могу понять, что такое смерть; это значить потерять человѣка. Кто бы это могъ подумать? Кому жъ и жить, когда онъ умеръ такъ рано, имѣвши право жить и наслаждаться жизнью. Простите, если разстраиваю вашу горестъ. Вы меня знаете. Вамъ должно быть пріятно, что есть люди, которые умѣютъ знать всю великость его потери и чувствовать нѣкоторую часть вашей горести“.

Послѣ перваго краткаго письма Жуковскій написалъ второе, и въ отвѣтъ на оба письма Иванъ Петровичъ отвѣтилъ большимъ посланіемъ. Оно въ высокой степени характерно для представленія о моральныхъ свойствахъ Ивана Петровича. Глубокая, тихая грусть соединяется въ немъ съ безпредѣльною преданностью и покорностью волѣ Божьей. Мы видимъ какъ бы полное отчаяніе любящаго отца, неожиданно потерявшаго свою гордость и свою надежду—сына, но черезъ минуту это чувство смѣняется мыслью о благодати Творца и о его неисповѣдимыхъ путяхъ; но и при такомъ самоутѣшеніи мысль его опять переходитъ къ умершему сыну и опять съ пера его льются слова горести, но затѣмъ снова онъ обращается къ Богу и въ вѣрѣ въ его справедливость ищетъ себѣ утѣшенія. „Любезный другъ!“—пишетъ Иванъ Петровичъ: „знаю душу твою, знаю любовь твою къ покойному, знаю, сколько конецъ ево тебя поражаетъ. Ахъ, любезный другъ! я съ тобою дѣлю горестъ твою; дѣли же и ты съ нами печаль нашу. Многого мы лишились въ немъ. Онъ былъ утѣшеніе мое въ мірѣ горестномъ, былъ отрадою духа моего. Я веселился, воображая, что имѣю въ немъ предостойнаго сына, воображалъ имѣть въ немъ истиннаго друга сердечнаго. Велика въ немъ потеря моя. Но что же? Ахъ, ужасна мысль: я разстался съ нимъ, не увижу его, не услышу пріятностей разговора его; не почувствую болѣе изліяніе сердца ево въ душу мою! Но что же? Кто лишилъ меня ево? Кто отнялъ у меня сокровище мое безцѣнное? Кто отнялъ у меня единственное мое утѣшеніе? Кто повергъ ево въ гробъ, а меня—въ горе, печаль и скорбь незабвенную? Определеніе и воля Того, кто всѣмъ располагаетъ, яко Богъ, вѣдущій настоящая и будущая, общій нашъ Отецъ, любящій насъ такъ много и такимъ образомъ, какъ мы любить не умѣемъ и еще не можемъ. Мы любимъ другихъ только въ отношеніи къ себѣ. Поелику себя любимъ, потоліку любимъ и другихъ. Много любимъ для того, что они насъ любятъ, и мы ими утѣшаемся; слѣдовательно любимъ себя въ другихъ, а не ихъ однихъ только... Мой другъ! Богъ опредѣлилъ мнѣ терпѣть во времени, а ему жить и покоиться въ нѣдрахъ вѣчныхъ любви Божьей. Онъ живъ, живъ любезный Андрей! Какъ ему быть мертву, когда ничто не умираетъ, а только вся измѣняется!.. Андрей былъ добръ, le fond de son âme était bon... Пятна пороковъ еще не вѣдрились, не проникли существа души ево; они удобно сняты и очищены могутъ быть. Вскорѣ свойства безсмертнаго духа его расширятся, онъ вскорѣ научится въ вѣчности тому, чему здѣсь съ трудомъ мы научаемся

долго... Онъ, или прямо существо ево проникнуто будетъ свѣтомъ божественнымъ, вся въ ясность приводящимъ... Что есть смерть? Переходъ отъ времени въ вѣчность. Мой другъ! Или нѣтъ Бога, или мы Ево не знаемъ, или все то праведно и истинно, что святая религія и философія истинная, духомъ божимъ просвѣщаемая, насъ учить... Какъ умереть Андрею, какъ погаснуть ево искрѣ? Она только раздулась болѣе и превратится со временемъ въ пламень, преграды возгаранія и расширенія уничтожатся. Чѣмъ далѣе, тѣмъ пламя ево будетъ чище. Богъ премудръ, всемогущъ, всемогущъ...“ Затѣмъ онъ сообщаетъ со словъ Петра Сергѣевича Кайсарова такія подробности о смерти Андрея. „Занемогъ покойный отъ простуды. Бѣдилъ или ходилъ по дождю и въ мокромъ кафтанѣ, которой на немъ и высохъ. Занемогъ очень 5-го іюля, болѣзнь страшная и крутая, горячка съ пятнами похитила ево у насъ 8-го числа въ 3 часа пополудни. Всѣ помощи медицины, дружбы самой не могли помочь ему. Лѣчилъ лучший медикъ Государевъ. Иванъ Владиміровичъ не отходилъ отъ постели, а Петръ Сергѣичъ, по просьбѣ покойнаго и безпримѣрной любви, все о себѣ нерадящей, даже лежалъ съ нимъ и не заразился“. И тотчасъ же опять впадаетъ въ лирическо-грустный тонъ, чтобы снова обратиться къ своему христіанско-масонскому утѣшенію. „А мой цѣль увялъ въ лучшую пору! Скосила его жестокая смерть! Тѣло предано общему хранилищу, землѣ, въ Невскомъ монастырѣ, положенъ туда камень и будетъ тамъ покоиться до дня явленія и развязки всеобщей, а духъ между тѣмъ переходитъ регіоны Бездны! Ахъ, мой другъ! Какъ не востать ему отъ тлѣнія? Какъ не ит(т)и къ цѣли, достойной человѣка, назначенной Богомъ, Творцомъ благимъ и мудрымъ? Здѣсь мы не достигаемъ цѣли, а бродимъ съ мѣста на мѣсто, не имѣя пункту твердаго. Тамъ фиксируемся. Кто здѣсь щастливъ? Кто блаженъ быть можетъ? Никто... Но покоримся судьбамъ Отца милосерднаго и премудраго!“

На это письмо Жуковский отвѣчалъ такимъ же длиннымъ, написаннымъ въ томъ же духѣ посланіемъ (издано И. А. Бычковымъ— Письма В. А. Жуковскаго къ Ал. Ив. Тургеневу. М. 1895), гдѣ выразилъ желаніе напечатать выборку изъ писемъ покойнаго, „въ которыхъ такъ видна душа его, благородная и необыкновенная“. Онъ хочетъ, чтобы это былъ памятникъ лирѣ его.

Не замедлилъ отозваться и Алексѣй Ѳеодоровичъ Мерзляковъ. За нѣсколько дней до отсылки письма къ Жуковскому, онъ посѣтилъ, какъ видѣли, Ивана Петровича, съ которымъ онъ бесѣдовалъ объ

Андрей и — конечно — объ Александрѣ Ивановичѣ. Мы увидимъ, что Иванъ Петровичъ не рѣшился самъ написать Александру Ивановичу о смерти Андрея, но сдѣлалъ это чрезъ Шлѣцера, которому послалъ письмо 20-го іюля. Въ Гёттингенъ письмо пришло только 13-го августа, а 14-го Шлѣцеръ объявилъ Александру Ивановичу о братниной смерти. 17-го августа Александръ Ивановичъ пишетъ первое письмо послѣ полученнаго извѣстія Ивану Петровичу, а въ слѣдующемъ письмѣ отъ 25-го августа онъ сообщаетъ Ивану Петровичу слѣдующее: „Я уже просилъ сердечныхъ друзей моихъ Алексѣя Ѳеодоровича и Василя Андреевича писать ко мнѣ почаще. Дружба ихъ никогда не можетъ для меня быть утѣшительнѣе, какъ въ сія минуты“. Но Алексѣй Ѳеодоровичъ Мерзляковъ, движимый самъ чувствомъ дружбы къ Александру Ивановичу и чувствомъ сильной привязанности къ покойному, самъ, не получивъ еще письма Александра Ивановича, счелъ нужнымъ написать идущее изъ глубины сердца утѣшеніе. 23-го августа онъ пишетъ большое письмо Александру Ивановичу, приносить его — какъ это тогда водилось — для прочтенія Ивану Петровичу, который и посылаетъ его въ Гёттингенъ вмѣстѣ съ своимъ письмомъ 27-го августа. 1-го октября Александръ Ивановичъ, вернувшись изъ путешествія по Гарцу, которое было предпринято, очевидно, съ цѣлью разсѣянія, находитъ упомянутое письмо своего родителя (оно сохранилось) и приложенное письмо отъ Мерзлякова и тотчасъ же пишетъ въ Москву свою благодарность: „Возвратясь изъ Гарцовскаго моего путешествія, къ сердечной своей радости нашель я письмо ваше съ приложеніемъ письма отъ почтеннаго друга моего Алексѣя Ѳеодоровича. Дружба и почтеніе, которыя привязывали меня къ тому, кто, любя брата моего, любилъ и меня и кто такъ часто своими добрыми чувствами вселялъ и въ меня охоту ко всему доброму, еще болѣе увеличились, когда я прочелъ утѣшительное письмо его. Въ немъ и въ Василя Андреевича имѣеть нужду осиротѣвшее мое сердце. Они должны мнѣ замѣнить того, кого я имъ возвратить не въ силахъ. Любовь ихъ къ моему брату и моя вѣчная къ нимъ привязанность подкрѣпляютъ мою надежду и они, конечно, не оставятъ меня одного въ моей горести“.

Но Мерзляковъ не столько утѣшалъ, сколько самъ просилъ утѣшенія. Мерзляковъ былъ самый близкій другъ Андрея Ивановича, постоянно съ нимъ переписывался, и Андрей Ивановичъ для него съ Жуковскимъ писалъ даже во время своего отсутствія изъ Москвы особый журналъ. „Ни съ кѣмъ мнѣ такъ не пріятно говорить о себѣ и о васъ и о чемъ бы то ни было, какъ съ вами“ — писалъ

Андрей Ивановичъ въ одномъ письмѣ изъ Карлсбада Жуковскому и Мерзлякову. А вотъ какъ однажды мечталъ Андрей Ивановичъ, находясь за границей: „Хотя и есть у меня — пишетъ онъ тѣмъ же Мерзлякову и Жуковскому — пѣса листовъ въ 12, которую я долженъ перевести съ нѣмецкаго на французскій и скоро, но все лучше ее оставить и поговорить съ вами, сердечные друзья мои... Какъ бы мы славно пожили! Общество друзей, добрыхъ, соединенныхъ одними склонностями, одними упражненіями, и вмѣстѣ разнообразныхъ въ этихъ же самыхъ склонностяхъ и упражненіяхъ. Я представляю себѣ сумрачный осенній вечеръ, когда бы мы, поработавъ и уставъ въ день, гуляли и собирались въ общую комнату пить чай, съ трубками, съ книгами; ты бы или я, напримѣръ, сидѣли задумавшись, смотря на вечернія красоты осени, которыя всегда меня изумляютъ; Мерзляковъ разсуждалъ бы или говорилъ о исторіи, о русскихъ герояхъ; я бы перебивалъ его иногда какимъ-нибудь бонмо, если не острымъ, то по крайней мѣрѣ смѣшливымъ, какъ это часто случалось, и которому бы онъ первый смѣялся“... Здѣсь слышенъ отзвукъ Дружескаго Литературнаго Общества, основаннаго три года тому назадъ тѣмъ же кружкомъ, но—Жуковскій и Мерзляковъ здѣсь на первомъ планѣ. Вернувшись въ Россію въ февралѣ, Андрей Ивановичъ не успѣлъ повидаться ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Весной въ Москвѣ Мерзляковъ заболѣлъ, и Андрей Ивановичъ 17-го февраля пишетъ своему отцу: „Сдѣлайте милость, увѣдомьте меня о Мерзляковѣ. Говорятъ, что онъ опасно боленъ. Я слышалъ это отъ одного изъ пріѣзжихъ изъ Москвы—и его пріятеля. Можетъ быть, онъ иногда и не имѣетъ всего, что нужно для больного. Я не почитаю за нужное просить васъ, чтобы вы его не оставили вашимъ благосклоннымъ вниманіемъ“. Объ этой заботливости о немъ Мерзляковъ вспоминаетъ и въ своихъ письмахъ—въ упомянутомъ письмѣ къ Жуковскому и въ письмѣ къ Александру Ивановичу. Послѣднее письмо является чрезвычайно характернымъ и интереснымъ, какъ для выясненія самой личности Андрея Ивановича и того значенія, которое онъ имѣлъ для своихъ друзей, такъ и для обрисовки самой атмосферы дружескаго кружка. Все шло взаимно: друзья въ одномъ и томъ же письмѣ и просили другъ у друга утѣшенія и другъ друга утѣшали. Но кромѣ того, упомянутое письмо Мерзлякова интересно и по свсему отношенію къ Ивану Петровичу, который неотдѣлимъ отъ своихъ сыновей. На этомъ любопытномъ и поучительномъ фактѣ еще придется остановиться, а пока можно лишь замѣтить, что въ этихъ письмахъ Иванъ

Петровичъ рисуется дѣйствительно такимъ, какимъ мы знаемъ его и изъ другихъ источниковъ: любвеобильнымъ, вѣрующимъ, безропотно переносящимъ тягости судьбы, однимъ словомъ, такимъ, какими въ нашихъ представленіяхъ являются члены Дружескаго Ученаго Общества съ Новиковымъ во главѣ. Имѣющій самъ нужду въ утѣшеніи по случаю потери любимаго сына, Иванъ Петровичъ, однако, въ глазахъ другихъ служитъ лучшимъ примѣромъ покорности волѣ Божьей. Сопоставленіе выше упомянутаго письма, писаннаго Ивану Петровичу на другой день послѣ смерти Андрея Ивановича, съ письмомъ Мерзлякова вполне подтверждаетъ указанные свойства Ивана Петровича. Его примѣръ долженъ былъ дѣйствовать успокаивающимъ и ободряющимъ образомъ и на Александра Ивановича. Письмо Мерзлякова слѣдующее.

„Что намъ дѣлать, милый мой другъ, Александръ Ивановичъ, что намъ дѣлать? Кто намъ скажетъ причину, для чего мы всё осиротѣли? Кто скажетъ причину, для чего страждетъ отецъ, который шестьдесятъ лѣтъ дѣлалъ добро, для чего страдаютъ братья и друзья, которыхъ соединяло единственное желаніе сдѣлаться подобными отцу своему?

Durum, sed levius fit patientia
Quidquid corrigere est nefas!

Это говорить язычникъ. Но ты, носящій въ сердцѣ своемъ утѣшеніе, гораздо дѣйствительнѣйшее, ты, который нѣкогда, въ маленькой моей комнатѣ, часто говаривалъ со мною о таинственной судьбѣ чловѣка столь сладко, столь отрадно, — ты, молодой другъ стараго Фенелона, для чего ты теперь не со мною? Для чего не могу я теперь тебя слушать и вмѣстѣ съ тобой плакать *отъ чего-нибудь сладчайшаго, нежели просто отъ горести?*

Добрые твои родители и друзья твои ждутъ отъ тебя утѣшенія; для тѣхъ и другихъ ты замѣняешь незабвеннаго своего брата и друга! тѣ и другіе смотря на тебя слезящими глазами и говорятъ къ тебѣ безмолвнымъ своимъ уныніемъ: Богъ взялъ его отъ насъ! Повинуемся! Богъ милостивъ и справедливъ!... Онъ хотѣлъ, чтобы ты замѣнилъ намъ того, котораго взялъ онъ отъ насъ! Воскреси для насъ нашего сына, нашего брата — нашего друга! воскреси намъ его въ самомъ себѣ!... Самъ онъ, отходя отъ насъ, поручилъ тебѣ эту священную должность! Самъ онъ запретилъ тебѣ предаваться излишней печали. Мы требуемъ отъ тебя его, а не твоихъ слезъ. Его замѣни намъ

собою, и тѣмъ принеси ему лучшую жертву, какую только нѣжные друзья приносить могутъ!

„Знаю, чувствую, совершенно чувствую всю великость твоей потери. И кто осмѣлится утѣшить тебя?—Мы (я говорю отъ себя и добраго Жуковскаго), мы можемъ еще найти свою отраду; для насъ остался твой живой образъ нашего друга; но для тебя?.. для тебя никто не замѣнитъ его!

„Мы не можемъ утѣшить тебя, милый другъ нашъ! Но мы имѣемъ лучший примѣръ для себя—въ почтенномъ твоёмъ Родителѣ. Мы можемъ представить тебѣ его, и горестъ твоя должна уменьшиться... Что наши опыты въ сравненіи съ его опытами? Онъ давно уже несетъ тяжелый свой крестъ. Добродѣтель его терпѣла и страдала: онъ перенесъ злобу и коварство людей; онъ утѣшался единственнымъ сокровищемъ добрыхъ: своею любовію къ Богу и добрыми дѣлами своими. Посреди многихъ огорченій онъ воспиталъ милаго своего сына, нашель въ немъ, наконецъ, достойнаго друга и благословлялъ небеса, излившія на него многія несчастія... вдругъ небо отрываетъ отъ него лучшую подпору его старости: онъ остался въ томъ же бурномъ и жестокомъ мірѣ; онъ плакалъ; но слеза его была не слеза роптанія: она говорила на небо: *Ты въси, что твориши. Да будетъ воля твоя.* *Вѣра* отерла эту благочестивую слезу, и родитель твой, наконецъ, утѣшился.

„Вотъ образецъ, предъ коимъ благоговѣю я въ моей собственной горести! Вотъ образецъ для тебя, милый другъ мой, образецъ и правило, къ которому нечего намъ прибавить! Вспомни, чѣмъ ты обязанъ этому образцу, измѣряй его и свои чувства, его и свою потерю—вспомни, наконецъ, о насъ—и сердце твое оживится.

„Утѣшь меня, милый другъ мой, напиши ко мнѣ, каковъ ты и что ты дѣлаешь. Я очень обѣднялъ въ моемъ сердцѣ, и жду отъ тебя увѣрительной грамоты въ томъ, въ чемъ меня увѣрялъ безцѣнный другъ мой; онъ бывало всегда говорилъ мнѣ, что ты меня любишь. Докажи теперь мнѣ это: будь для меня моимъ Андреемъ Ивановичемъ, утѣшься и своимъ спокойствіемъ успокой меня.

„Кажется, я еще не вмѣщаю въ себѣ всей моей горести. Кажется, я еще не вѣрю моему несчастію. Я не могу чувствовать всей своей потери. Другъ мой былъ больше, нежели обыкновенный другъ моей молодости. Онъ былъ бы впредь для меня нужнѣе нежели теперь; я надѣялся жить и умереть съ нимъ.

„Горестъ моя будетъ выростать съ моими лѣтами и съ моими опы-

тами. Люди своею злобою умножать еще болѣе цѣну его дружбы. Люди заставляютъ меня нѣкогда жалѣть и плакать объ немъ больше, нежели сколько теперь могу плакать!

„Послѣднее милое письмо свое (писанное мѣсяцъ до кончины) заключилъ онъ сими словами: *Что наша жизнь?—Море горестныхъ и мужа радостныхъ слезъ! И вы и я это знаете. Простите!* Могъ ли я подумать, что это „простите“ такъ много значило? могъ ли я подумать, чтобы эта забавная и острая шутка была послѣднею отъ моего друга?—Боже мой! Будучи за 700 верстъ, онъ помогаль мнѣ въ смертной моей болѣзни; а друзья его и не знали, что онъ страждетъ. Онъ писалъ къ Ивану Петровичу пещись обо мнѣ, какъ о своемъ сынѣ; а я, выздоровѣвъ, не могъ быть при смертной его постелѣ. Умирая, видѣлъ я его подлѣ себя—въ видѣ почтеннаго добраго его родителя, который навѣщалъ меня часто: а онъ въ послѣднюю минуту не имѣлъ и того утѣшительнаго чувства, что объ немъ плачуть. Для того ли онъ меня сдѣлалъ здоровымъ, чтобы я видѣлъ свое несчастье? Другъ мой! заклинаю тебя любовью твоихъ родителей, дружбою маленькихъ твоихъ братьевъ и друзей твоихъ, не терзай себя горестью и живи для нихъ и для твоего Мерзлякова“.

Это письмо въ достаточной степени свидѣтельствуетъ, какъ о глубокомъ чувствѣ горести, такъ и о привязанности къ семейству Тургеньевыхъ.

Отозвался на смерть Андрея Ивановича и митрополитъ Платонъ. Послѣдній былъ очень близокъ къ Ивану Петровичу и вообще къ его кружку. Извѣстенъ его отзывъ о Новиковѣ, который былъ посланъ къ нему для испытанія въ вѣрѣ. Правда, Платонъ не вполне сочувствовалъ мистическому направленію и, повидимому, не вполне одобрительно относился въ свое время къ Дружескому Ученому Обществу, участникомъ котораго былъ и Иванъ Петровичъ. Когда въ 1792 г. Ивану Петровичу, по подозрѣнію объ участіи его въ обществѣ мартинистовъ, приказано было выѣхать въ ссылку въ Симбирскую губернію, онъ счелъ нужнымъ написать Платону письмо, которое оправдывало бы послѣдняго отъ подозрѣнія въ близкой связи съ нимъ. Объ этомъ Иванъ Петровичъ вспоминалъ впоследствии, уже вернувшись въ Москву и занявъ высокій постъ. Сохранилась копія съ этого письма, поправленная рукою самого Ивана Петровича, письма, интереснаго какъ по обрисовкѣ отношеній между собой Платона и Ивана Петровича, такъ и по характеристикѣ самого Ивана Петровича. Письмо это слѣдующее:

Высокопреосвященнѣйшій Владыко

Милостивый Архипастырѣ!

При семъ подношу Вашему Высокопреосвященству отъ друга моего Отца Михаила послѣдніе томы извѣстнаго его сочиненія подъ названіемъ „Трудъ, пища и покой и пр.“. Поздно я исполняю препорученіе мнѣ отъ Его преданности и глубокаго высокопочитанія къ Вашему Высокопреосвященству; но причина тому та, что экземпляръ этотъ на бѣлой бумагѣ въ такой былъ кипѣ, которая поздно сюда привезена. За нечаянною остановкою на дорогѣ, и здѣсь оной не скоро отыскался.

„Пользуясь симъ случаемъ изъяснить Вамъ, Милостивый Архипастырѣ, извѣстныя мои къ Вамъ чувствованія, во-первыхъ, благодарю всепокорнѣйше за благосклонный вашъ отвѣтъ на мое письмо, а притомъ, слѣдуя обыкновенной моей откровенности и пріемля смѣлость отъ удостоенія меня вашею, скажу слѣдующее по содержанію почтеннѣйшаго письма Вашего Высокопреосвященства ко мнѣ.

„Что касается до наружностей и обрядовъ религіи, то я ихъ почитаю не только нужными и полезными, но и необходимыми. *Внутренность* же почитаю всему основаніемъ *единымъ прямо существеннымъ и цѣлю*: согласно съ мыслями и Вашего Высокопреосвященства.

„Относительно же до тѣхъ словъ, которыя вамъ угодно было нынѣ цитовать изъ моего письма къ В. В. въ 1792 году писаннаго, то я и нынѣ тоже скажу, что, имѣя, благодареніе Богу, ревностное желаніе искать *царствія Его и правды, естли* при томъ по *скудоумію, свойственному слабому человечеству*, котораго, въ добавокъ скажу, слабой сторонѣ я особливо причастенъ, *естли заблуждало въ путяхъ и средствахъ* (кои весьма не многія и не исчетны суть въ Единомъ, иже есть путь, истина и животъ) *иногда*, то конечно и Богъ меня проститъ и всѣ христолюбивые люди извинятъ за доброту цѣли, которая есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, въ немъ же ни обрѣзаніе поможетъ ни необрѣзаніе, но *новая тварь*.

„Вотъ повтореніе того письма моего къ вамъ, въ 1792 году писаннаго, и когда я наканунѣ былъ отъѣзда въ назначенную мнѣ тогда, хотя и незаслуженную, ссылку; писаннаго къ вамъ съ тѣмъ, чтобы вы въ случаѣ надобности могли оправдать себя отъ подозрѣнія, также напрасно бывшаго на васъ, будто вы въ связи съ нами, что могло имѣть непріятныя для васъ слѣдствія, по тогдашнимъ извѣстнымъ обстоятельствамъ, хотя съ нашей стороны, кромѣ невинности и Бого-

угодныхъ намѣреній, ничего не было; писаннаго въ тонѣ для сего намѣренія такомъ, который доказываетъ разномысліе ваше со мной; и даже что я *будто* досаждалъ вамъ моими противорѣчіями. Въ немъ даль я вамъ даже знать, чтобы и отвѣту мнѣ на него не дѣлать, что В. В. и очень примѣтить изволили.

„При удовольствіи перваго послѣ сего свиданія съ В. В., случившемся на страстной недѣлѣ слѣдующаго 1793 года, какъ вы сюда первый тогда разъ пріѣхать изволили, я вамъ обстоятельно и откровенно рассказывалъ о бывшемъ со мною извѣстномъ происшествіи, говорилъ и о томъ письмѣ, какъ здѣсь пишу, и которое само о себѣ содержаніемъ своимъ довольно ясно говоритъ вниманію безпристрастному—а потому-то и удивился я столько, когда В. В. уже прошлаго года изволили мнѣ сказать, что я будто въ серьезномъ какомъ-то раскаяніи писалъ къ вамъ, даже что я жалѣю, *что мы тогда васъ не послушались* и пр. Сихъ словъ я никогда къ вамъ не писалъ, какъ и изволили, конечно, увидѣть, справясь съ письмомъ моимъ, которое и писано было для того именно, чтобы сохраниться ему у васъ, и о которомъ я очень зналъ, что не можетъ оно у В. В. остаться безъ всякаго употребленія. И письмо сіе даже переписано было нарядно, очень красивымъ письмомъ и чужою рукою. Рассказываться же мнѣ было не въ чемъ—и я никогда не только не раскаявался въ томъ, что былъ нѣкогда въ извѣстномъ обществѣ, но еще радовался оному, какъ полезному и много мнѣ послужившему здѣлаться лучшимъ и вѣрнѣйшимъ сыномъ церкви, ибо оныя упражненія всѣ къ тому клонились, чтобы пріобрѣтать познанія для большаго въ христіанствѣ просвѣщенія, и къ дѣятельности въ добродѣтели, основанной на единомъ чистомъ ея источникѣ, словомъ все сотворшемъ, спасенія нашего ради воплотившемся и проліявшемъ незаходимый свѣтъ Евангелія. Наконецъ, скажу въ простотѣ сердца, что письмо оное писано отъ расположенія моей усерднѣйшей привязанности къ В. В.-у, и въ минуту щастливую любви прямо христіанской, не только не ищущей своего и корысти своей, жертвующей своимъ для сохраненія, или для пользы ближняго. И я хотя очень увѣренъ былъ, что оно не можетъ на все время остаться неизвѣстнымъ никому и отъ В. В., однако и я съ письма сего копію распускалъ и здѣсь и въ С.-Петербургѣ, и оно было принято въ точномъ его смыслѣ всѣми и знатыми и незнатыми и проч.“

Повидимому и въ послѣднее время Иванъ Петровичъ былъ недоволенъ Платономъ, какъ можно видѣть изъ одного письма Андрея

Ивановича къ батюшкѣ, писаннаго веснойъ того года. Андрей Ивановичъ называетъ Платона сухимъ монахомъ, отъ котораго напрасно ждать отклика на житейскіе запросы. Иванъ Петровичъ въ это время былъ очень озабоченъ предстоящей своей судьбой: должность директора университета упразднилась, и для него было важно уйти въ отставку съ пенсіей. Но это было не очень легко, и, судя по перепискѣ его за это время съ Андреемъ Ивановичемъ, пріѣхавшимъ въ февралѣ въ Петербургъ, Иванъ Петровичъ обращался ко многимъ власть имѣющимъ, съ просьбой похлопотать за него. Не обратился ли онъ съ такой же просьбой и къ Платону, у котораго, можетъ быть, встрѣтилъ не достаточно теплый отзывъ? Однако, это не помѣшало продолжаться ихъ дружескимъ отношеніямъ. Осенью того же 1803 года, послѣ смерти Андрея Ивановича, Александръ Ивановичъ пишетъ на латинскомъ языкѣ письмо Платону, который тотчасъ же ему на томъ же языкѣ отвѣчаетъ, и Александръ Ивановичъ сообщаетъ батюшкѣ, что онъ показывалъ письмо Платона Геттингенскимъ профессорамъ, и тѣ всѣ удивлялись латинской рѣчи послѣдняго.

Отозвался митроп. Платонъ и на смерть сына своего стараго друга и почитателя. 23-го юля изъ Визаніи онъ прислалъ Ивану Петровичу утѣшительное письмо, хотя, надо сказать, отдающее нѣсколько сухостью и риторикой. „Милостивый Государь мой, Иванъ Петровичъ!—пишетъ Платонъ—въ горести вашей, по притчинѣ никакъ неожиданной кончины любезнаго сына вашего, приѣмлю чувствительнѣйшее участіе. Преставльшійся не требуетъ отъ насъ никакого вспомошествованія. Онъ рожденъ въ истинной вѣрѣ и благой надеждѣ; воспитанъ въ благочестіи, утвержденномъ благонравіемъ... Но что могу я сказать къ утѣшенію вашему? Источники естества и благодати, изъ коихъ бы должно утѣшительные доводы почерпать, вамъ извѣстны... Симъ моимъ отъ усердія происходящимъ словамъ да подастъ силу дѣйствующая во всѣхъ; а ваша вѣрою просвѣщенная душа да приметъ ихъ съ должнымъ расположеніемъ, чрезъ что, упсваю я, что прискорбный отецъ укрѣпится, а болѣзненная мать облегчится“.

Ударъ, поразившій Ивана Петровича, былъ тяжелъ, и онъ отъ него вполнѣ и не поправился. Надо представить себѣ всю ту домашнюю обстановку, въ которой вращались Тургеневы, чтобы понять близость, которая существовала въ семьѣ Тургеневыхъ между отцомъ и его сыновьями, въ данномъ случаѣ—двумя старшими. Андрей же былъ старшимъ сыномъ, опорой и надеждой старыхъ своихъ родителей, и какъ ни отличался Иванъ Петровичъ истинной вѣрой и покор-

ностью волѣ Божьей, онъ не могъ, однако, вполне успокоиться, какъ ни казалось это его молодымъ друзьямъ, напримѣръ, Мерзлякову.

Почти чрезъ 25 лѣтъ послѣ этого событія, Николай Ивановичъ Тургеневъ въ письмѣ къ Александру Ивановичу отъ 9-го іюля 1827 г. изъ Лондона, писанномъ вскорѣ послѣ смерти ихъ младшаго брата Сергѣя, вспоминаетъ о своихъ впечатлѣніяхъ отъ извѣстія о смерти Андрея. „Я, право, не понимаю,—пишетъ онъ—какъ мы можемъ выносить потерю Сергѣя. Не могу привыкнуть думать, что мы его, дѣйствительно, лишили. Думая о тѣхъ, кои испытали подобныя несчастія, вспоминая горестъ нашего отца при потерѣ любимаго сына, нашего же брата, какой-то ужасъ горя объемлетъ мою душу. (Кульманъ, 196).

Изъ письма Александра Ивановича къ Андрею Сергѣевичу Кайсарову, писаннаго тотчасъ послѣ его пріѣзда въ Москву, видно все подавленное состояніе духа Ивана Петровича. „Я стою какъ нетвердый столпъ—пишетъ Александръ Ивановичъ въ январѣ - февралѣ 1805 года—и только что смотрю Батюшкѣ въ глаза, который такъ убить, что по сю пору не можетъ почти ничего говорить и скрытно плачетъ иногда, что не можетъ говорить со мною и брать участіе въ моихъ успѣхахъ“.

Несмотря на свое собственное горе, на всю тяжесть удара, Ивану Петровичу предстояло сдѣлать одно очень тревожное и трудное дѣло—объявить Александру Ивановичу о смерти брата. И обстановка объявленія и состояніе Александра Ивановича послѣ полученія извѣстія о смерти Андрея, и взаимное успокоеніе впадшихъ въ глубокую горестъ отца и сына—все это является въ высшей степени интереснымъ и характернымъ, какъ для семьи Тургеневыхъ въ частности, такъ и для тогдашняго поколѣнія вообще.

Еще въ приведенномъ выше письмѣ къ Жуковскому Иванъ Петровичъ обращается къ нему и Мерзлякову съ такой просьбой: „Его и тебя прошу, сдѣлайте милость, утѣшайте Александра. Онъ еще не знаетъ, а скоро, скоро, на сихъ дняхъ узнаетъ. Я къ нему писалъ о кончинѣ 19-го іюля. Утѣшайте его, чтобъ онъ не сразилъ насъ, а себя берегъ для насъ и для братьевъ. Бога ради, пишите къ нему, просите, чтобъ онъ пересылалъ къ вамъ письма черезъ меня“.

Нѣжная привязанность и глубокое уваженіе къ своему отцу составляли отличительное свойство старшихъ братьевъ. Андрей Ивановичъ, когда еще былъ въ Москвѣ, пишетъ, однажды, къ Андрею Сергѣевичу Кайсарову, что онъ не можетъ къ нему прійти, такъ какъ

Батюшка останется на этотъ вечеръ одинъ и ему будетъ одному скучно. Это—мелочь, но мелочь характерная. А Александръ Ивановичъ въ Гёттингенѣ въ своемъ журналѣ подь 9-мъ іюля, въ день именинъ Ивана Петровича записываетъ слѣдующую молитву: „Да проведетъ онъ остатокъ дней своихъ также спокойно, какъ я провель этотъ день! Да достигнетъ онъ мирнаго пристанища безъ всякой бури на пути своемъ! Геній дружбы и любви да сопровождаетъ его! Да отдалитъ отъ него мрачныя облака, потемняющія утомленные взоры его, и да поможетъ намъ сдѣлать и здѣсь его участникомъ блаженства, пріуготовленнаго душамъ праведныхъ тамъ, гдѣ никто не можетъ нарушить его!“ А нѣсколько позже, получивъ отъ Ивана Петровича позволеніе остаться еще на полгода въ Геттингенѣ, онъ пишетъ въ томъ же дневникѣ: „Батюшка, кажется, живетъ только тѣмъ, чтобы радовать насъ; онъ не приказываетъ, не позволяетъ намъ, но показываетъ, какъ будто бы и самъ того же хотѣлъ, что мы у него просимъ“.

Иванъ Петровичъ не рѣшился послать извѣстіе о смерти Андрея прямо Александру Ивановичу, но прибѣгнувъ къ посредству Шлепера. Послѣдній былъ особенно друженъ съ Александромъ Ивановичемъ. Всѣ письма Александра Ивановича наполнены восторженными отзывами о Шлеперѣ, какъ ученомъ и профессорѣ. Помимо того, Александръ Ивановичъ былъ близокъ къ Шлеперу и часто посѣщалъ его и оказывалъ ему нѣкоторыя услуги. Въ одной изъ такихъ услугъ принялъ участіе и Андрей Ивановичъ. Весной въ 1803 г. Шлеперъ послалъ въ Петербургъ для поднесенія Государю своего Нестора, но эта посылка временно затерялась. Андрей Ивановичъ былъ въ это время въ Петербургѣ, и между братьями началась по этому поводу оживленная переписка. Александръ Ивановичъ 30-го апрѣля пишетъ Батюшкѣ, что „не трудно бы было прислать другой (ящикъ), но невозвратная потеря состоитъ въ томъ, что въ этомъ же ящикѣ была послана вышитая картина жены его, извѣстной по своему великому искусству въ шитьѣ и своимъ изобрѣтеніемъ наводить шелками даже колоритъ. Работа сія, кромѣ большихъ издержекъ, стоила г-жѣ Шлеперѣ шестимѣсячнаго труда. Такая потеря... естественно должна огорчать Шлепера... Онъ не набивался съ своею книгою, а Государь самъ узналъ о ней черезъ Криденера и сказалъ, что онъ съ удовольствіемъ приметъ ее отъ Шлепера. Всякой Русской, умѣющей цѣнить труды такого рода, каковъ Шлеперовъ Несторъ, непременно долженъ принимать участіе въ этомъ. Я просилъ

брата, чтобы онъ старался объ отысканіи затеряннаго ящичка и о всемъ писалъ къ нему подробно“. Андрей Ивановичъ, дѣйствительно, принялся за поиски, и пропаша нашлась. Шлецеру и его женѣ были сдѣланы подарки, и Александръ Ивановичъ, извѣщая объ этомъ Батюшку, пишетъ ему: „Для меня всего пріятнѣе, что я нѣсколько споездѣствовалъ къ скорѣйшей развязкѣ дѣла и, хотя слабо, могъ изъяснить признательность мою великому моему учителю, которому я столь много и во многомъ обязанъ“. Въ то же время онъ пишетъ Андрею Ивановичу: „Спѣшу писать къ тебѣ только, чтобы сказать великое спасибо за письмо твое, увѣдомляющее о подаркахъ, сдѣланныхъ Шлецеру и Шлецернѣ. Сію минуту отнесъ я къ нему письмо твое, и онъ очень насъ благодарилъ и велѣлъ къ тебѣ отписать, что онъ удивляется великодушію, которое ты, не зная его совсѣмъ, ему доказываешь; но я отвѣчалъ, что ты очень хорошо знаешь его по тѣмъ великимъ благодареніямъ, которыя онъ сдѣлалъ для меня своими единственными лекціями“.

Иванъ Петровичъ, повидимому, не очень соглашался съ той высокой оцѣнкой Шлецера, которую постоянно высказывалъ въ своихъ письмахъ Александръ Ивановичъ. По крайней мѣрѣ, въ одномъ письмѣ (отъ 27-го апрѣля 1803 г.) Александръ Ивановичъ, сказавъ, что онъ „уже предпочелъ Шлецера Блуменбаху и взялъ двѣ лекціи у перваго, который потому-то и достоинъ всего возможнаго уваженія, что онъ показываетъ вещи такъ, какъ онѣ есть, а не на изворотъ“—прибавляетъ: „Позвольте мнѣ, Батюшка, въ немъ одномъ только съ вами не согласиться; въ другихъ противорѣчить вамъ не смѣю“. Но Иванъ Петровичъ видѣлъ, какъ сердечно Шлецеръ принималъ Александра Ивановича, который бывалъ у него запросто, и вотъ онъ и рѣшился чрезъ Шлецера извѣстить Александра Ивановича о смерти брата.

Иванъ Петровичъ написалъ Шлецеру письмо 20-го іюля, 13-го августа Шлецеръ получилъ его, а 17-го подробно отписалъ Ивану Петровичу о томъ, какъ онъ передалъ Александру Ивановичу о смерти Андрея, и о томъ, какое впечатлѣніе произвело это извѣстіе на Александра Ивановича и на его друзей. Получивъ письмо Ивана Петровича, Шлецеръ тотчасъ послалъ за Кайсаровымъ. Съ нимъ пришелъ и Александръ Ивановичъ. Шлецеръ не рѣшился объявить тутъ же о горестномъ событіи и, отославъ Александра Ивановича, уже одному Кайсарову открылъ содержаніе письма, при чемъ оба заплакали. По совѣту Шлецера, письмо было передано

Александрѣ Ивановичѣ только на другой день. Можно представить, какъ подѣйствовало на Александра Ивановича полученное извѣстіе. Пришлось позвать доктора, который далъ Александру Ивановичу капли съ опиумомъ, чтобы его успокоить. Черезъ два дня Кайсаровъ сообщилъ Шлецеру, что Александръ Ивановичъ успокоился, и Шлецеръ въ своемъ письмѣ Ивану Петровичу пишетъ: „Молодой человѣкъ имѣетъ сильный умъ и, что еще важнѣе, онъ имѣетъ религію, доказательство чего онъ далъ при этомъ случаѣ. Также сильно дѣйствовала на него та мысль, что, если онъ будетъ предаваться печали и дать ей имъ овладѣть, то этимъ самымъ онъ поставитъ въ опасность здоровье и жизнь своихъ дорогихъ родителей“. При этомъ Шлецеръ вспоминаетъ объ услугѣ, оказанной ему Андреемъ Ивановичемъ въ отысканіи его пропажи: „безъ него—говоритъ онъ—я никогда бъ не получилъ благосклоннаго письма отъ великаго государя“. Черезъ недѣлю послѣ перваго письма Шлецеръ опять пишетъ Ивану Петровичу и сообщаетъ ему, между прочимъ, слѣдующее: „Въ разговорѣ съ вашимъ сыномъ примѣтилъ я ясно, что его, главнымъ образомъ, поддерживаеетъ мысль, что онъ обязанъ беречь свою жизнь для своихъ добрыхъ родителей и для своихъ младшихъ братьевъ“.

Но успокоеніе, конечно, наступило не скоро, хотя Александръ Ивановичъ и отличался веселымъ, жизнерадостнымъ характеромъ. Въ первое же время его горю не было, кажется, предѣловъ. Несомнѣнно, что его поддерживало, это—мысль о своихъ престарѣлыхъ родителяхъ. Чрезвычайно трогательна такая обоюдная забота. Иванъ Петровичъ въ Москвѣ беспокоится о душевномъ состояніи своего сына, находящагося вдали, въ Геттингенѣ, и пишетъ ему успокоительныя письма, прося его пуще всего беречь себя и предаться волѣ Божьей, а Александръ Ивановичъ, съ своей стороны, только и думаетъ о томъ, какъ бы успокоить своего Батюшку: онъ увѣряетъ, что онъ здоровъ, что мужественно переноситъ свое несчастіе и проситъ своихъ младшихъ братьевъ жить еще дружнѣе и тѣмъ утѣшать Батюшку съ Матушкой. Изъ всѣхъ писемъ Ивана Петровича, къ великому сожалѣнію, сохранилось только одно, но и его одного достаточно, чтобы имѣть понятіе о той нравственной атмосферѣ, въ которой вырабатывались родственныя отношенія семьи Тургеневыхъ. Письмо помѣчено 27-го августа, № 15. „Здравствуй мой единственный здѣсь утѣшитель Алексаша!“—пишетъ Иванъ Петровичъ... „Отъ тебя, сердечный мой другъ, ожидаю съ нетерпѣніемъ извѣстія, каковъ ты и другъ твой

Андрей Сергѣевичъ. Бога ради, берегите себя, и насъ тутже. Пишите чаще. Оставайтесь учиться, всего удобнѣе васъ это занять можетъ. Пожалуй, голубчикъ мой Алексаша, не срази насъ, молись и сноси терпѣливо твою потерю. У насъ есть передъ глазами вѣчность, для коей мы созданы. Есть Богъ утѣшитель и праведный Судія! Предадимся его милосердію, коему тебя поручаю. Берегись воспалять и разстрогивать воображеніе. Это врагъ нашъ и рѣдко очень благодѣтель...“

Повидимому, такого же содержанія были и другія письма Ивана Петровича, не дошедшія до насъ, но посланныя Александру Ивановичу 27-го іюля и 20-го августа, о чемъ говоритъ послѣдній въ своихъ письмахъ. Находясь вдали отъ родныхъ, Александръ Ивановичъ нуждался, конечно, въ утѣшеніи, но въ то же время сознавалъ, что на его же обязанности лежитъ быть опорой и утѣшеніемъ своего родителя, какъ писалъ о томъ Ивану Петровичу Шлецеръ. Ему приходилось, поэтому, преодолѣть свою скорбь и примириться съ мыслью о потерѣ брата, съ которымъ онъ былъ тѣсно связанъ любовью и дружбой, и въ то же время успокаивать своего престарѣлаго родителя. Примирился съ потерей ему было не легко. Тѣсная дружба и прониновенность общими духовными интересами тѣсно соединяли братьевъ. Александръ Ивановичъ высоко ставилъ и цѣнилъ своего старшаго брата. Въ своемъ дневникѣ подъ 5—17 января 1803 г. онъ замѣчаетъ: „Сегодня получилъ отъ брата два письма отъ одного числа. Какъ радъ, что мы можемъ быть другъ съ другомъ такъ откровенны... Ничего нѣтъ для меня утѣшительнѣе, какъ видѣть, что мы увѣрены другъ въ другѣ“; а подъ 22-е января пишетъ: „Получилъ отъ брата журналъ его. Какъ пріятно проводилъ онъ свое время и какъ умѣлъ живо и интересно выразить все, что чувствовалъ, что видѣлъ! Какая откровенность, какая непринужденность, Unbefangenheit, въ мысляхъ, чувствахъ и выраженіяхъ! Журналъ его есть зеркало, въ которомъ видишь прекрасную благородную душу, образованную красотами природы и поэзія“. Андрей Ивановичъ былъ въ это время въ Вѣнѣ, и Александръ Ивановичъ все мечталъ съ нимъ видѣться и совершить вмѣстѣ небольшое путешествіе. Но въ февралѣ, какъ выше сказано, Андрей Ивановичъ возвратился въ Петербургъ, и его отъѣздъ изъ Вѣны былъ для него самого неожиданностью. Онъ едва успѣлъ извѣстить брата о своемъ отъѣздѣ, а Александръ Ивановичъ въ своемъ дневникѣ подъ 10-мъ февраля записываетъ: „Итакъ, я лишусь удовольствія писать и получать такъ

часто письма отъ брата. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ опять; теперь, можетъ быть, ужъ у границы или и въ самой Россіи—часъ отъ часу удаляется отъ меня; гдѣ наши планы видѣться лѣтомъ въ Вѣнѣ, путешествовать вмѣстѣ? И послѣдняя надежда исчезла! Всякой день чувствую я сильнѣе, какъ бы мнѣ нужно было видѣться съ нимъ и пожить нѣкоторое время вмѣстѣ, прежде нежели выгѣду изъ Геттингена; то теперь и надѣяться нельзя. Я предчувствовалъ, что его нѣтъ уже больше въ Вѣнѣ; сколько разъ хотѣлъ на этой недѣлѣ написать къ нему письмо; вчера даже и началъ въ надеждѣ сегодня отправить; но не кончилъ и поутру получилъ отъ него извѣстіе, что 2-го февраля долженъ онъ выгѣхать. Отъ чего мнѣ такъ грустно, какъ будто я разстался съ нимъ, живучи долгое время вмѣстѣ? Такъ и быть! Буду продолжать къ нему писать письма, хоть его и не будетъ. Буду описывать ему сюжеты изъ русской Исторіи; авось когда-нибудь прочту ему. Два человѣка, о которыхъ я не могу думать безъ пріятныхъ чувствъ, и всегда оставляетъ это на меня самое благодѣтельное дѣйствіе,—братъ и...“ А 27-го марта записываетъ: „Какова лучше желать мнѣ подарка въ день моего рожденія, какъ не письма отъ брата!“

Много позже, въ 1808 году, Александръ Ивановичъ, уже схоронивъ своего отца и отправивъ брата Николая въ тотъ же Геттингенъ, въ первомъ же письмѣ къ нему, совѣтуетъ ему вести дневникъ и рисуетъ такую картину: „Если современемъ мы когда-нибудь — когда и Сережа уже отпутешествуетъ, возвратимся во свояси и соберемся всѣ въ прародительское наше село Тургенево, или въ Москвѣ,—нашу родину: то какое наслажденіе сравнится съ тѣмъ, которое мы будемъ имѣть при чтеніи нашихъ записокъ, къ которымъ присоединится и журналъ брата, друга и благодѣтеля нашего Андрея. Онъ, вѣрно, и тамъ наслаждается нашею взаимною братскою любовію и довѣренностію“.

14-го августа сообщилъ Шлецеръ Александру Ивановичу о смерти брата, и прошелъ почти мѣсяцъ, пока Александръ Ивановичъ нѣсколько поуспокоился. Его дневникъ перервался на 12-мъ августа и возобновился только лишь 7-го сентября; да и то только для того, чтобы вписать нѣсколько словъ о братѣ и потомъ опять прекратиться до конца октября. Въ первое время въ горѣ Александра Ивановича приняли горячее участіе находившіеся въ Геттингенѣ русскіе, и Шлецеръ, сообщая объ этомъ Ивану Петровичу, прибавляетъ, что заботливость и участіе въ Александрѣ Ивановичѣ со стороны его соотечествен-

никовъ превосходить всякое описаніе и дѣлаетъ честь русскому національному характеру. Конечно, среди нихъ первымъ былъ Андрей Сергѣевичъ Кайсаровъ, который, впрочемъ, былъ пораженъ не меньше Александра Ивановича. Однако, его заботы были направлены на успокоеніе товарища. „Будьте увѣрены, — пишетъ онъ Ивану Петровичу отъ 17-го августа, что я не пощажу собственнаго своего здоровья для брата Андрея Ивановича, въ которомъ я почти всего лишился“. И Александръ Ивановичъ въ письмѣ отъ 25-го августа сообщаетъ: „Я пользуюсь утѣшеніемъ, какое только могутъ доставить искреннее участіе и дружба. Товарищи мои всегда со мною, и я не боюсь раздѣлить своего горя“. А еще раньше недѣлей, онъ пишетъ батюшкѣ: „Вѣчно останусь я благодарнымъ моимъ товарищамъ, особливо же Андрею Сергѣевичу, общему нашему другу, который самъ имѣетъ нужду въ утѣшителѣ, и г. Сулимѣ, сыну вашего сослуживца. Они не оставляютъ меня и каждую минуту доказываютъ мнѣ нелицемѣрную дружбу свою. Богъ да наградитъ ихъ!“

Несмотря на попеченіе со стороны Шлецера и своихъ соотечественниковъ, Александръ Ивановичъ долго не могъ успокоиться. Забросивъ съ 12-го августа свой журналъ, онъ только лишь 7-го сентября былъ въ состояніи записать слѣдующія строки: „Кто мнѣ мѣшаетъ съ нимъ бесѣдовать, думать объ немъ? О, плотской человѣкъ! А я бы желалъ обнять его, прижать его. Братъ, братъ! милый братъ! Впервые разъ почувствовалъ въ себѣ столько духу, чтобы написать имя твое! Боже мой! Подкрѣпи меня!“ А въ *концѣ октября* записываетъ: „Сколь ни ужасно было для меня знакомиться съ мыслями, что я потерялъ брата своего, Милостивый Боже! Что будетъ со мной, еслии хотя нѣсколько изгладится изъ моеѣ памяти образъ его? Что еслии хоть одна черта лица его, хоть одна его улыбка въ послѣдствіи времени изгладится изъ ангельскаго его образа, который врѣзался въ мою душу—тогда, тогда простите и вы, послѣднія радостныя минуты жизни моеѣ, которыя доставляютъ мнѣ воспоминанія! Простите сладкія мечты, меня съ нимъ соединяющія! Прости, минутное забытіе!“

Несмотря на свое горе, Александру Ивановичу все же приходилось скрывать его отъ своихъ родителей, чтобы еще болѣе не увеличить ихъ тревоги. Поэтому, въ своихъ письмахъ къ родителямъ, Александръ Ивановичъ постоянно говоритъ о своемъ успокоеніи, хотя и чрезъ эти успокоительныя строки проглядываетъ глубокая скорбь. „Не знаю, чему приписать мое великодушіе“—пишетъ онъ отъ 25-го августа,—но я переношу все терпѣливо, и воспоминаніе о незабвенномъ

братѣ и другѣ моемъ для меня уже не страшно. Естьли я плачу, то это смягчаетъ мое сердце, и думать о немъ для меня такъ пріятно, что я не различаюсь съ нимъ; и даже то, что потерялъ въ немъ, какъ въ Ангелѣ-Хранителѣ моего добраго по натурѣ только сердца—возвратить мнѣ желаніе нѣкогда съ нимъ соединиться и, естьли можно, столько ему уподобиться, чтобы тамъ жить съ нимъ вмѣстѣ“. Его, понятно, беспокоитъ мысль о томъ, какъ переносить постигшее горе родители, но и тутъ онъ находитъ утѣшеніе. — „Я бы, можетъ быть, болѣе беспокоился о состояніи души вашей, естьли бы не чувствовалъ, сколько человекъ, свыше поддерживаемый, перенести можетъ. Да и кто, зная и безкорыстно любя брата, возропцетъ на благое провидѣніе?“ Черезъ двѣ недѣли, въ письмѣ отъ 7-го сентября онъ говоритъ: „Мало по малу я знакомлюсь съ мыслию, что его уже нѣтъ болѣе. Я не боюсь предаваться мыслямъ и воспоминаніямъ; во мнѣ дѣйствуетъ одно чувство вѣчной привязанности къ единственному другу моему, который все еще, кажется, живетъ для меня и вѣчно жить будетъ; воображеніе не потемняетъ моихъ душевныхъ силъ. Надежда укрѣпляетъ ихъ; не должно быть нетерпѣливу; рано или поздно увидимся“. А еще чрезъ недѣлю онъ пишетъ въ томъ же тонѣ и духѣ: „Изъ писемъ моихъ вы изволите видѣть, терпѣливо ли я сношу ударъ, который лишилъ меня и опоры моей; на него была моя надежда во всѣхъ противныхъ случаяхъ бѣдной жизни нашей. Лишь будьте вы спокойнѣе; не отказывайтесь отъ тѣхъ немногихъ утѣшеній, которыя Богу угодно было вамъ оставить; тогда и я найду въ самомъ себѣ довольно мужества, чтобы поддержать старость вашу“.

Наконецъ, въ письмѣ отъ 5-го октября онъ пишетъ, какъ онъ находитъ утѣшеніе въ своей непоколебимой вѣрѣ въ безсмертіе. „Ничто болше меня не успокаиваетъ, какъ изъ внутреннихъ чувствъ почерпнутое увѣреніе ваше въ безсмертіи души нашей; я не знаю, могу ли постигнуть умомъ высокую истину, что духъ нашъ не умираетъ съ нами; но чувствую, что грусть и отчаяніе преодолѣли бы тѣлесныя и душевныя силы мои, естьли бы я хотя на минуту лишился животворящей надежды со временемъ увидѣться съ незабвеннымъ братомъ моимъ. Я и представить себѣ не могу страшной мысли, что я на вѣкъ расстаюсь съ нимъ“.

Читая такія письма, Иванъ Петровичъ и Катерина Семеновна, конечно, нѣсколько утѣшались, но душевное состояніе Александра Ивановича далеко не было такъ спокойно, какъ онъ говорилъ о немъ въ своихъ письмахъ. И они были правы. Его страшно поразилъ этотъ ударъ,

и долго онъ не могъ возвратить себѣ свой жизнерадостный взглядъ на окружающее. Конечно, сентиментальность должна быть принимаема здѣсь во вниманіе, какъ общее направленіе тогдашняго времени, но самый фактъ тяжести постигшаго несчастія остается несомнѣннымъ. По его дневнику мы можемъ прослѣдить всѣ тѣ душевные переливы, которые чередовались въ немъ, повергая его то въ тихую грусть, покрытую дымкой сентиментальности, то въ глубокое отчаяніе, граничащее съ желаніемъ скорой смерти. Онъ пишетъ батюшкѣ 16-го ноября, что „Надежда и въ бездѣлицахъ теперь никогда (его) не оставляетъ“...— „Рано или поздно мы со всѣми опять увидимся; а путь нашъ такъ коротокъ, что въ однихъ измѣреніяхъ можетъ пройти все время. На что же досадовать и говорить, что одинъ скорѣе насъ совершитъ его! Рано или поздно и мы придемъ къ цѣли своей или, лучше сказать, начнемъ новое безпредѣльное поприще, и начнемъ его вмѣстѣ и никогда не окончимъ“. Въ заключеніе онъ говоритъ, что такія чувства не могутъ быть противны родителямъ: „ибо они искренни и суть ничто иное, какъ слѣдствіе вашего воспитанія“. Повидимому,—успокоеніе полное. Александръ Ивановичъ, повидимому, подчинился неизбежности и нашель себѣ поддержку въ надеждѣ и вѣрѣ, которыя „суть символъ всякаго человѣка“. Читая эти строки, его Батюшка съ Матушкой и утѣшались сами въ постигшемъ ихъ горѣ и успокаивались за судьбу теперь „единственнаго утѣшителя, Алексаши“. Но заглянемъ въ дневникъ „утѣшителя Алексаши“, и мы увидимъ, что „Надежда“ и „Вѣра“ недостаточны, чтобы сказать: „На что же досадовать и горевать, что одинъ скорѣе насъ совершилъ путь нашъ“. На Александра Ивановича находило порой такое отчаяніе, что ему казался близкимъ конецъ и его жизни. Ему казалось, что онъ никогда не найдетъ себѣ утѣшенія. Черезъ два дня послѣ отсылки приведеннаго выше письма къ Батюшкѣ, онъ пишетъ въ своемъ журналѣ: „Что не писалъ я къ Бат(юшкѣ) на прошедшей почтѣ, все это родилось въ одно минутное забвеніе и съ тою же минутою исчезло. Я не способенъ равнодушно и мужественно переносить свое горе: оно угнетаетъ меня, и я въ душѣ своей часъ отъ часу слабѣю и изнемогаю, не имѣя ни вѣры ни надежды въ сердцѣ моемъ. Горестная необходимость жить и жить безъ брата, жить и не чувствовать цѣну жизни; жить и невольно роптать на Всемогущаго! Боже мой, прости мнѣ мое заблужденіе, прости мнѣ слабость мою! Нѣтъ со мной Ангела Утѣшителя, меня подкрѣплявшаго. Ты взялъ его къ себѣ, и я одинъ остался“. И тутъ же онъ рисуетъ картину своей тоски и гореванія:

„Никогда во всю жизнь мою не позабуду я сихъ вечеровъ, въ безпрерывной грусти проведенныхъ. Не проходило почти минуты, чтобы я, читая книгу, не бросилъ ее при одной мысли о другѣ и братѣ моемъ. Можетъ быть, дни сіи суть предначертаніемъ того, что вдали готовить мнѣ судьба моя. Да врядъ ли могу я уже быть несчастіемъ—я все потерялъ... Гдѣ то честолюбіе, которое оживляло меня, внушало мнѣ любовь къ дѣятельности? За что ни примусь, какой планъ ни родится въ разстроенной головѣ моей, — все съ первымъ движеніемъ сердца, все оставляю. Ничто не прельщаетъ, ничто не одушевляетъ меня. Чувства и духъ мой умерли вмѣстѣ съ братомъ моимъ“.

И неоднократно онъ обливаешь, повидимому, слезами свой дневникъ, не будучи въ состояніи помириться съ утратой брата. Нѣсколько ранѣе, предавшись было такимъ воспоминаніямъ о совмѣстной жизни съ братомъ въ Москвѣ, изливъ въ меланхолическихъ строкахъ свою тихую скорбь, онъ переходитъ къ болѣе сильному изображенію своей скорби. „Желалъ бы только—писать онъ—чтобы письма мои къ нему изъ Москвы и изъ Геттингена сохранены были. Они могутъ служить ему и мнѣ вѣчными пантегириками, въ нихъ могутъ видѣть и понимать любовь братскую. И все-то оно теперь исчезло! Богъ видѣлъ нашу готовность, но — не попустилъ исполненія. Братъ, братъ! Богъ и ты знаешь меня. Прости мнѣ эти слезы! Они не есть слезы ропота, но слезы слабого человѣчества. Зачѣмъ раздѣлены мы? Мы сотворены были другъ для друга. Но я предаюсь святой волѣ Его. Ты теперь предъ лицомъ его; ты постигаешь неисчерпаемый источникъ Его милости; испроси мнѣ крѣпость духа, содѣлай меня тебя достойнѣе. Дай мнѣ, доставь мнѣ больше такихъ минутъ, въ которыя я бы больше былъ достоинъ думать о тебѣ“.—Тутъ же онъ описываетъ свое посѣщеніе Шлецера, у котораго былъ и учившійся тогда въ Геттингенѣ Баварскій „Курпринцъ“. Собраніе было многолюдное, и время проводили очень весело, но — Александръ Ивановичъ былъ далекъ отъ этого веселья. „Естьлибъ я былъ въ духѣ — говорить онъ—о какъ бы описалъ я этотъ вечеръ! Но когда душа занята другимъ, когда мысли, несмотря ни на какое разсѣяніе, устремлены на одинъ и тотъ же печальный предметъ, предметъ вѣчной горести, тогда—тогда и самый гармоничный концертъ кажется намъ надгробнымъ пѣніемъ“.

Уже послѣ смерти брата, но еще не зная о ней, Александръ Ивановичъ послалъ брату письмо въ Петербургъ, а теперь въ концѣ ноября получилъ его обратно. Это обстоятельство дало ему поводъ

еще разъ излить свое горе на бумагу, въ свой дневникъ. „Думалъ ли я—записываетъ онъ 30 ноября,—отправляя письмо къ брату, что черезъ три мѣсяца опять получу его обратно? Могла ли бы написать рука моя имя его? Ахъ! тогда уже не было его на свѣтѣ! Можетъ быть, въ ту самую минуту разставался онъ съ жизнью, вспоминалъ обо мнѣ, и вѣчное „прости“, въ послѣдній разъ говорили уста его! Ахъ, мой братъ! зачѣмъ оставилъ меня? Грусть, вѣчная грусть будетъ моимъ удѣломъ. Какъ? Боже мой! Брата моего нѣтъ уже болѣе? Боже мой, Боже мой, что я буду?—Боже милостивый! Прежде нежели сдѣлаюсь недостойнымъ любви братниной; прежде нежели забуду его добродѣтель,—погуби меня и дай увидѣться съ нимъ въ томъ мѣрѣ. Боже мой, не отвергни моленія моего! Погуби меня здѣсь, соедини тамъ съ братомъ моимъ. Боже мой, дай мнѣ силы, или душа моя изнеможетъ. Не допусти, чтобы она развратилась, прежде нежели соединюсь я съ братомъ моимъ“.

Наступилъ новый годъ (по нашему стилю) и Александръ Ивановичъ окончательно заскорбѣлъ. Второй разъ приходилось ему встрѣчать новый годъ на чужой сторонѣ, и вполне естественно, что онъ въ такія минуты предавался меланхоліи. Но была глубокая разница между тѣмъ, что чувствовалъ Александръ Ивановичъ годъ тому назадъ при приближеніи новаго года, и тѣмъ, что онъ переживалъ теперь. Тогда онъ предавался пріятнымъ воспоминаніямъ. Его мысль летѣла на далекую родину, рисовала ему картины родного города Симбирска, и здѣсь онъ не могъ не вспомнить своего брата. „Что-то подѣлываютъ у насъ въ Симбирскѣ?—записываетъ онъ 29-го декабря 1802 г.—Спокойнѣ ли дядюшка и здоровы ли всѣ наши? Думаютъ ли теперь въ Симбирскѣ, что Тургеневы, которые нѣкогда извѣстны были подъ первыми шелунами въ городѣ, теперь странствуютъ въ чужихъ земляхъ и вспоминаютъ Симбирскъ, въ которомъ столько горькихъ и рѣдко, рѣдко пріятныхъ минутъ провели они. Симбирскъ, Симбирскъ! Горы твои и величественная Волга не изглядятся изъ моей памяти. Братъ, братъ!

Скороль мы на Волгу вынемъ
Радостный веселый взглядъ?
Скороль мы друзей обнимемъ?

Вспоминаетъ онъ и о первой встрѣчѣ и замираетъ его юношеское сердце при мысли о первомъ трепетѣ его робкой любви. „Завтра у насъ на Руси Новый годъ“ — пишетъ онъ. — „Скоро начнутся и экзамены у насъ въ пансіонѣ. Какое достопамятное время для меня!

Вотъ скоро четыре года тому, какъ въ первый разъ встрѣтились взоры наши на актѣ, 4 года какъ мы узнали другъ друга и... Ахъ, ничто и никогда не истребить изъ моей памяти тѣ первыя минуты, сіе начало моего блаженства; ничто не потушить во мнѣ сей первой искры... и добродѣтели“.

Иныя чувства нахлынули на него теперь, когда онъ подъ новый годъ остался одинъ, въ своей комнатѣ, съ своимъ журналомъ. Здѣсь чувствительность его перешла уже границы, и ему кажется, что скоро онъ соединится съ своимъ братомъ. Но онъ уже давно наблюдалъ за собой, и все болѣе и болѣе приходилъ къ убѣжденію, что веселые дни для него прошли безвозвратно. Истиннаго удовольствія и веселья ему уже не испытать. Еще 18-го декабря онъ пишетъ: „Вчера дурачился, а сегодня оплакиваю свои дурачества; чѣмъ болѣе вчера веселился, тѣмъ больше плакалъ сегодня; все мнѣ кажется преступленіемъ; мнѣ все грустно и будущность для меня ужасна. Такъ-то я проведу и всю жизнь свою. Не будетъ для меня ни одного часа удовольствія. Пройдетъ молодость, а сердце мое, сжатое теперь уже, не размягчится никогда уже и въ тридцать лѣтъ заскорбѣетъ. У меня было одно только средство чувствовать радости жизни и черезъ него получалъ я всѣ прочія удовольствія и наслажденія; его нѣтъ болѣе, и источникъ пресѣкъся. Ничто не размягчитъ моего сердца, ничто не заставитъ его чувствовать охоту ко всему доброму.—О, для чего я одинъ остался“!

Всѣ такія меланхолическія чувства разомъ нахлынули на него теперь, когда онъ сидѣлъ подъ новый годъ, ожидая боя 12 часовъ. Этотъ моментъ насталъ; бьетъ 12 часовъ, Александръ Ивановичъ беретъ за перо и пишетъ:

„Новый годъ. Сейчасъ ударило 12. Одумайся, Александръ! Что ты былъ въ прошедшемъ? Что съ тобою было? Со мной произошелъ совершенный переворотъ. Я не узнаю себя. Я и долженъ перемѣниться: гдѣ братъ мой? 1803 годъ унесъ лучшую половину самого меня съ собою. Братъ гниетъ въ могилѣ. Съ кѣмъ я остался? Посреди кого? Какія перемѣны! Я выброшенъ въ бурное море; якорь оторванъ—никто не хочетъ подать мнѣ руки помощи и бѣжить прочь. Сердце, самое сердце мое не то уже стало; оно заскорбѣло и свернулось. Я безчувствененъ, и нѣтъ уже груди, на которую можно было бы мнѣ пролить слезы горести. Гдѣ братъ мой и другъ единственный!.. О, когда сокроюсь я и смѣшаюсь съ прахомъ брата моего! Нѣтъ, никогда и ничто не соединитъ меня уже болѣе съ нимъ я самъ не соединюсь

съ собою. Я не буду, вѣчно не буду тѣмъ, чѣмъ былъ за годъ. Ахъ! думаль ли я, думаль ли, читая прошлаго году въ этотъ день полученное мною письмо отъ брата моего, что на другой годъ въ этотъ день я безъ содраганія уже буду говорить о смерти его? Думаль ли, съ радостью говоря: и у насъ Новый годъ? Судьбы человѣческія неисповѣдимы! Что наша будущность? Что со мною будетъ? Завѣса, непроницаемая завѣса!—Братъ! О! для чего дрожить сердце мое? Для чего я не въ силахъ владѣть собою? Для чего разстраиваются мысли мои! Отъ чего безпорядокъ въ головѣ моей! Гдѣ я, съ кѣмъ и что со мною будетъ! Простите, въ глазахъ моихъ темнѣеть. Братъ, ожидай меня! Скоро, скоро! Милой, милый, милый, братъ мой! Я одинъ, тебя нѣтъ со мной. Ахъ! для чего? Гдѣ ты? Подай мнѣ руку свою. Прости“!

Въ журналѣ затѣмъ проведена черта и записано: „Другова году часть прошель. Такъ пройдетъ и жизнь моя! Такъ ударить и мой часъ, и я соединюсь съ тобою“.

Мы присутствуемъ здѣсь при такихъ интимныхъ изліяніяхъ братской любви и горести, какой свидѣтелемъ не всегда быть возможно. Правда, обстановка была нѣсколько торжественна и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько сентиментальна, въ духѣ тогдашняго направленія, что поневоля должна была повысить настроеніе Александра Ивановича въ томъ направленіи, которое овладѣло имъ послѣ смерти брата. Наступленіе новаго года, всегда, съ одной стороны, обращаетъ мысль къ прошедшему, а съ другой—наполняетъ сердце надеждами. Оставшись одинъ, Александръ Ивановичъ естественно предался грустнымъ размышленіямъ, а нѣсколько торжественная обстановка, бой часовъ—все это дало новый ему матеріалъ для изліянія своей грусти. Конечно, на его ожиданіе близкой своей смерти, на его полную разочарованность въ жизни, на его полный безотрадный взглядъ на жизнь—на все это мы должны смотрѣть какъ на выраженіе временнаго настроенія. Александръ Ивановичъ былъ настроенія вообще жизнерадостнаго, и его предчувствіе скорого соединенія съ братомъ не оправдалось. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что смерть брата сильно отразилась на его настроеніи. Объ Андреѣ Ивановичѣ онъ не могъ вспоминать безъ грусти во всю свою жизнь, а теперь его жизнерадостность, дѣйствительно, подверглась сильному испытанію. Меланхолическое настроеніе его теперь не оставляетъ. Даже возвращеніе на родину (весной 1805 г.) не обрадовало его, какъ должно бы ожидать, и его письма тотчасъ послѣ возвращенія въ Москву къ Андрею Сер-

гѣвичу Кайсарову, оставшемуся въ Геттингенѣ, постоянно говорятъ намъ объ его подавленномъ настроеніи и полны тревогъ за будущее. Правда, семейныя обстоятельства его не очень веселили: Иванъ Петровичъ чувствовалъ себя очень плохо, и Александръ Ивановичъ свое тяжелое состояніе приписываетъ отчасти этому обстоятельству. „Я стою, какъ нетвердый столпъ, покуда крѣплюсь и кажусь веселымъ—пишетъ онъ въ первомъ же письмѣ по возвращеніи въ Москву—но боюсь, чтобы не упасть и мнѣ духомъ... Лѣтомъ поѣдемъ, можетъ быть, въ Липецкія воды и будемъ гостить въ деревнѣ у твоей Матушки. Пошлачу въ садъ твоемъ. Напрасно, братъ, мы разстались другъ съ другомъ. Конечно, ты не найдешь здѣсь ничего кромѣ печальныхъ (sic), но мнѣ непремѣнно нуженъ старшій братъ, который бы ободрялъ меня и утиралъ слезы маленькихъ моихъ братьевъ вмѣстѣ со мною“. Его душевное равновѣсіе настолько пошатнулось, что даже о Шлецерѣ онъ отзывается съ долею раздраженія. Упомянувъ о томъ, что Карамзинъ работаетъ надъ русской исторіей, Александръ Ивановичъ въ томъ же письмѣ пишетъ Кайсарову: „Правда ли, что Шлецеръ на него писалъ въ Петербургъ, называя его неспособнымъ писать русскую исторію? Это несправедливо. Шлецеръ думаетъ, что только и свѣту, что у него подъ окошкомъ, а право, и у Карамзина свѣтло“.

Если таково было его настроеніе слишкомъ черезъ годъ, то можно себя представить, какая тоска овладѣла имъ теперъ, тотчасъ послѣ понесенной утраты. Даже наибольшія радости, которыя онъ могъ тогда испытывать, даже и онѣ омрачались при мысли, что нѣтъ уже близкаго человѣка, который бы раздѣлилъ съ нимъ эти радости. Въ это время Шлецеръ подалъ ему мысль занять должность адъюнкта русской древней исторіи при Академіи Наукъ и написалъ большое рекомендательное письмо Новосильцеву, тогдашнему ся президенту. Отъ этого предложенія Александръ Ивановичъ пришелъ въ восторгъ. Въ своемъ журналѣ 17-го января онъ и пишетъ: „Итакъ я не солдатъ; я не натуральный историкъ; я не курьеръ при Иностранной Коллегіи; я не секретарь Посольства. Что жъ я? Адъюнктъ Русской древней исторіи при С.-Петербургской Академіи Наукъ! Воображалъ ли я, что черезъ полтора года по моемъ пріѣздѣ въ Геттингенъ Шлецеръ сдѣлаетъ мнѣ подобное предложеніе!“ Но тотчасъ же мысли его возвращаются къ воспоминанію о братѣ, и онъ скорбитъ, что его нѣтъ съ нимъ: „Ахъ, милой братъ! День отъ дня чувствую болѣе и болѣе нужду въ тебѣ. Съ кѣмъ посовѣтуюсь я? Кто этому порадуется? Съ кѣмъ я раздѣлю

радость свою? Ахъ, и радость не въ радость, когда я одинъ и никто не принимаетъ во мнѣ участія. О милой братъ! для чего я такъ рано тебя лишился! Никогда не чувствовалъ я такъ живо твоего лишения, какъ въ эти минуты. И радость раздѣлить не съ кѣмъ, радость, которая такъ рѣдко бываетъ моимъ удѣломъ. Лучше бы мнѣ никогда ее не чувствовать. Легче переносить одному горе свое, нежели одному радоваться, не имѣть друга, съ кѣмъ раздѣлить ее, перелить ее изъ сердца въ сердце“.

Александръ Ивановичу тѣмъ труднѣе было переживать теперешнее свое состояніе, что онъ долженъ былъ еще утѣшать своихъ родителей и не подавать имъ повода думать, что онъ горюетъ и передается меланхолии. Несмотря на то, что въ своихъ письмахъ къ батюшкѣ съ матушкой онъ постоянно увѣрялъ ихъ, что онъ веселъ, что онъ съ христіанскимъ терпѣніемъ и спокойствіемъ переноситъ свое несчастіе—несмотря на такія увѣренія, родители все-таки ему плохо вѣрили. Отъ ихъ вниманія не ускользала меланхолическая нотка въ письмахъ Александра Ивановича, и они по этому поводу тревожились. Александръ Ивановичъ долженъ былъ утѣшать ихъ, увѣрять, что онъ и веселъ и спокоенъ, но это утѣшеніе и увѣреніе какъ-то плохо давались ему, и едва ли родители могли успокоиваться такого рода письмами, какъ, напримѣръ, слѣдующее письмо отъ 29-го февраля 1804 г.

„Дражайшіе родители! тогда я только буду спокоенъ, когда увѣрюсь, что вы въ разсужденіи меня спокойны. Я не понимаю, какъ могу я вамъ казаться погруженнымъ въ меланхолію. Повѣрьте, что одно изъ благодѣяній Геттингенской жизни есть то, что мнѣ нѣтъ времени предаваться горести. Спросите со временемъ у тѣхъ, кто меня знавалъ здѣсь, и вамъ скажутъ, что я съ утра до вечера бывалъ занятъ; а къ ночи силы мои требуютъ отдохновенія, и я сплю спокойно. Когда же мнѣ быть грустнымъ?—Я, право, говорю это, не хвастаясь, но единственно для вашего спокойствія, и вамъ всякой подтвердить то же. Нѣтъ, дражайшіе родители! я и не могу быть такъ грустенъ, какъ заботливое родительское сердце ваше себѣ представляетъ. Я не одинъ еще въ мірѣ; вы и почтеннѣйшіе благодѣтели еще со мною. Мерзляковъ и Жуковскій меня любятъ и они то съ немногими еще сохраняютъ вамъ вашего сына съ тѣмъ же сердцемъ, съ какимъ принималъ я ваше благословіе. Такъ то братъ и Ангель-Хранитель мой можетъ благодѣтельствовать мнѣ и тогда, когда его уже нѣтъ со мною въ этомъ мірѣ. Онъ оставилъ мнѣ друзей своихъ

и сердце мое, которое успѣло гармонировать съ его сердцемъ, увѣряетъ меня въ томъ, что послѣднія слова, которыя замерли на устахъ его—друзья мои! къ вамъ обращены были. Ахъ! помните, что онъ любилъ меня; вспомните всю жизнь нашу, вспомните, что онъ вамъ обо мнѣ говаривалъ! Простите, дражайшіе родители, невольнымъ слезамъ моимъ! они сладки, и мнѣ легче, когда они льются и смѣшаются съ вашими. Мнѣ сладко говорить съ вами, и не приписывайте это моей горести, но единственно той сердечной любви къ вамъ, которая для меня такъ утѣшительна. Увѣрьтесь, что душа моя наслаждается чистѣйшимъ спокойствіемъ, котораго источникъ—добродѣтель ваша. Не безпокойтесь обо мнѣ, я опять веселъ“.

Такъ оплакивалась смерть Андрея Ивановича Тургенева въ кругу его близкихъ родныхъ и друзей. Эта общая печаль и взаимное утѣшеніе вводятъ насъ въ кругъ близкихъ интимныхъ отношеній, которыя характеризуютъ нравственную атмосферу, окружавшую Ивана Петровича. И съ этой стороны знакомство съ новымъ матеріаломъ естественно направляетъ изысканія на очень опредѣленные задачи. Уже давно извѣстенъ кружокъ Ивана Петровича Тургенева: тутъ были Новиковъ, Лопухинъ, Карамзинъ. Теперь мы имѣемъ дѣло съ начальнымъ періодомъ новаго подрастающаго поколѣнія, вышедшаго изъ упомянутаго старшаго кружка и воспитавшагося на тѣхъ началахъ, которыя проводились послѣднимъ. Это были Жуковский, Мерзляковъ, Кайсаровы, молодые Тургеневы. Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и явится Пушкинъ и его сверстники, которые будутъ связываться непосредственно съ предшествовавшимъ кружкомъ молодого поколѣнія, къ тому времени обратившимся уже въ кружокъ зрѣлыхъ людей. Черезъ нихъ Пушкинскій кружокъ примыкаетъ, такимъ образомъ, къ кружку Новиковско-Тургеневскому. Выяснить, поэтому, цѣлый рядъ положеній и взаимныхъ отношеній двухъ кружковъ—старшаго и младшаго поколѣній—является настоящимъ и далеко не безъинтереснымъ для исторіи внутреннихъ связей тогдашнихъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей. Во всякомъ случаѣ, не безъинтересно познакомиться съ новымъ матеріаломъ, который находится въ нашемъ распоряженіи и который проливаетъ свѣтъ на многое, что было до сихъ поръ недостаточно извѣстно, и который въ то же время вызываетъ на рѣшеніе цѣлый рядъ вопросовъ, далеко не послѣдней цѣнности для выясненія исторіи нашей литературы и просвѣщенія. Вызываемые новымъ матеріаломъ вопросы послужатъ предметомъ послѣдующихъ статей, а теперь пока можно только намѣтить тѣ изъ нихъ,

которые вытекають уже изъ приведеннаго матеріала по поводу смерти Андрея Ивановича Тургенева.

Прежде всего, мы видимъ ясную и привлекательную картину семейно-патріархальныхъ отношеній въ домѣ Ивана Петровича. Иванъ Петровичъ и его семья могутъ служить яркимъ образцомъ тѣхъ патріархальныхъ семейныхъ отношеній, которыя существовали у насъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка и которыя выясняются и изъ другихъ источниковъ. Давно, впрочемъ, извѣстно, что семейный кружокъ Ивана Петровича былъ исключительнымъ: тѣмъ интереснѣе выяснить внутреннюю жизнь этого кружка. Письма и дневники Александра Ивановича и Андрея Ивановича Тургеневыхъ дають намъ достаточно матеріала для обрисовки какъ самого Ивана Петровича, какъ отца и человѣка, такъ и той системы воспитанія, которая заставляла молодыхъ Тургеневыхъ относиться къ своему отцу больше чѣмъ съ обычной сыновней почтительностью. Часть такихъ отношеній падаетъ, какъ можно видѣть изъ того же новаго матеріала, на общій характеръ того времени, когда связи дѣтей съ своими родителями были такъ тѣсны, что въ настоящее время кажутся уже непонятными; но значительная доля должна быть приписана нравственнымъ качествамъ самого Ивана Петровича, такъ глубоко и благотворно вліявшаго на своихъ сыновей. Съ этой стороны взаимныя отношенія членовъ семьи Тургенева и заслуживаютъ разсмотрѣнія. Къ этому присоединяется еще то, какъ относились къ Ивану Петровичу товарищи молодыхъ Тургеневыхъ, воспитывавшіеся подъ его руководствомъ; разсмотрѣніе этихъ отношеній даетъ намъ не мало матеріала для обрисовки нравственнаго облика Ивана Петровича.

Вмѣстѣ съ этимъ, приведенный выше матеріалъ наталкиваетъ на необходимость точнѣе опредѣлить тотъ культъ дружбы, который исповѣдывался разсматриваемыми кружками. Давно уже извѣстно это культивированіе дружбы. Оно ведетъ свое начало съ „Дружескаго Ученаго Общества“, учрежденнаго Новиковымъ въ 1781 году. На первомъ планѣ „Дружескаго Ученаго Общества“ стоятъ какъ-будто цѣли учено-литературныя. Но на первыхъ же порахъ къ этимъ ученымъ и литературнымъ цѣлямъ присоединяются цѣли общественныя, поставленныя такъ широко, что съ перваго взгляда могло казаться, что нарождается какая-то особая сила, которая захватываетъ многія функціи правительства. Направленіе „Дружескаго Общества“ не могло не оказать вліянія на русское общество въ лицѣ отдѣльныхъ дѣятелей. И вотъ исторія русской литературы, дѣйствительно, отмѣчаетъ,

что направленіе, проводимое цѣлымъ кружкомъ, не исчезло послѣ прекращенія дѣятельности „Общества“, но продолжало жить въ его отдѣльныхъ членахъ, которые сами теперь становятся центромъ новыхъ кружковъ. Однимъ изъ такихъ кружковъ, и кружкомъ самымъ замѣчательнымъ, и былъ Тургеневскій кружокъ, идеаломъ котораго было нравственное самосовершенствованіе. Въ этотъ кружокъ попалъ Жуковскій, который также ставилъ своей цѣлью достиженіе нравственнаго самосовершенствованія. Такъ, одной стороною „Дружеское Общество“ чрезъ Тургеневскій кружокъ связывается съ молодымъ поколѣніемъ—съ поколѣніемъ Жуковского. Здѣсь мы замѣчаемъ еще новую черту—стремленіе къ чувствительности, которое выражается еще у представителя стараго поколѣнія Ив. Влад. Лопухина. Это новое направленіе совпадаетъ, съ одной стороны, съ нравоучительной литературой, а съ другой—съ масонскимъ направленіемъ. Въ самомъ началѣ XIX в. „Дружеское Ученое Общество“ вновь всплываетъ, и наслѣдники его традицій, воспитанные въ школахъ Ивана Петровича Тургенева, но уже подернутые дымкою сентиментальности, въ 1801 г. основываютъ „Дружеское Литературное Общество“. Первый § законовъ Общества говорилъ, что „единственная и главнѣйшая должность—это возмечь въ сердцахъ любовь къ Добродѣтели и Истинѣ“. Въ этомъ стремленіи къ истинѣ и добродѣтели мы слышимъ отзвукъ хорошо знакомаго направленія—нравоучительнаго: истина и добродѣтель на первомъ мѣстѣ. Но есть въ уставѣ Общества и нѣчто новое. Законы „Дружескаго Литературнаго Общества“ оканчиваются заключеніемъ, указывающимъ на то, какъ члены Общества смотрѣли другъ на друга. „Насъ соединяетъ то, что до сихъ поръ составляло радость и счастье нашей молодости: это духъ благой дружества, сердечная привязанность къ своему брату, нѣжное доброжелательство къ пользамъ другаго. Дружество—это божество, подлетающее съ небесною улыбкою на глазахъ, съ животворною фіалюю въ рукѣ, единымъ взоромъ озаряющее сію мрачную юдоль скорби и печали, бѣдства и отчаянія. Будемъ имѣть довѣренность къ другу. Сладостные узы связали насъ издавна. Не станемъ надѣяться на эти законы. Одинъ энтузіазмъ къ доброму, одна истинная любовь къ своимъ сочленамъ—вотъ все, что можетъ вдохнуть душу въ наши законы и заставить говорить не въ журналахъ, а въ нашей совѣсти“. Здѣсь нѣтъ уже призыва къ нравственному самосовершенствованію. На первомъ мѣстѣ сердечная привязанность, „дружество“, т. е. то, съ чѣмъ связывается обыкновенно представленіе о Жуковскомъ и Карамзинѣ. Культъ дружбы

на почвѣ чувствительности кладется въ основаніе новаго Общества. Культъ этотъ еще раньше проповѣдывался Карамзинымъ, когда послѣдній былъ въ средѣ Новиковскаго „Дружескаго Общества“. Карамзинъ „пѣлъ тогда блаженство дружбы, въ восторгѣ обнимаясь съ любезнымъ Агатономъ“. И этотъ-то идеаль дружбы, введенный въ русскую литературу и въ первый же годъ XIX столѣтія нашедшій себѣ письменное закрѣпощеніе въ Законахъ „Дружескаго Литературнаго Общества“, проносится надъ русскимъ обществомъ въ продолженіе не одного десятилѣтія. Даже и тогда, когда сентиментализмъ, какъ литературное явленіе, сталъ уже уходить въ исторію, даже и тогда переписка между друзьями даетъ отзвукъ этого добраго стараго времени. Письма Баратынскаго къ Ивану Кирѣевскому въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ отзываются еще тѣмъ временемъ, когда слова „любовь“, „дружба“ заставляли плакать отъ умиленія. Проходить еще нѣсколько десятилѣтій, проносится эпоха идеализма, и опять въ перепискѣ лицъ, выросшихъ уже на слабыхъ отзвукахъ сентиментализма, мы встрѣчаемъ тотъ же культъ любви и дружбы, и на примѣръ письма Кавелина къ Герцену въ началѣ уже 60-хъ годовъ полны признанія любви и дружбы. „Жизнь безжалостно вырвала листки изъ пышнаго цвѣтка любви—пишетъ Кавелинъ—и теперь осталось немного: роскошествовать этимъ счастьемъ нельзя“. Дальше этого періода культъ дружбы уже не идетъ.—Обрисовка наиболѣе яркаго проявленія культа дружбы въ началѣ XIX в. и составляетъ вторую задачу, которая вытекаетъ изъ матеріала, доставляемаго перепиской лицъ Тургеневскаго кружка,—Андрея Тургенева съ Кайсаровымъ, Андрея Тургеиева съ Жуковскимъ, Кайсарова съ Ал. Ивановичемъ и др.

Культъ дружбы, проповѣдуемый Тургеневскимъ кружкомъ, связывается обыкновенно съ упомянутымъ Дружескимъ Литературнымъ Обществомъ. Последнее историками литературы ставится очень высоко; указывается, что оно дѣйствовало благотворно на Жуковскаго, приводятся нѣкоторые отзывы его участниковъ и задачей изслѣдователей ставится иногда—прослѣдить вліяніе „Общества“ на отдѣльных его членовъ. Поэтому, новый матеріалъ неминуемо приводитъ и къ необходимости пересмотрѣть вопросъ о вліяніи Общества на современниковъ или просто—на участниковъ его, о значеніи его въ ходѣ нашего литературнаго просвѣщенія и въ исторіи развитія нашихъ литературныхъ вкусовъ. Главные участники Общества у насъ на лицо: Андрей и Александръ Тургеневы, Жуковский, Мерзляковъ,

Кайсаровъ. Они жили въ дружбѣ, въ сообществѣ, задолго до формальнаго образованія Общества, затѣмъ основали Общество, т. е. написали его уставъ и—разъѣхались. Естественно, что при такомъ развитіи Общества у насъ возникаетъ, во-первыхъ, желаніе ознакомиться съ тѣмъ, какъ же относятся указанные лица къ только что учрежденному ими Обществу; мы должны быть увѣрены, что при тогдашней любви къ письмамъ и дневникамъ мы, конечно, найдемъ не мало матеріала въ видѣ упоминаній, воспоминаній или даже выраженія удовольствія при мысли объ Обществѣ, выразившемъ въ конкретной формѣ внутреннія душевныя движенія избраннаго кружка молодежи. Съ другой стороны, на необходимость поставить вопросъ о значеніи Дружескаго Литературнаго Общества наталкиваетъ то простое соображеніе, что вѣдь Общество фактически существовало нѣсколько мѣсяцевъ, и потому не вполне является яснымъ, какъ же оно могло оказать вліяніе на своихъ сочленовъ и въ чемъ же могло сказываться это вліяніе. Можетъ быть, это вліяніе надо принимать нѣсколько иначе. Была группа молодыхъ людей, объединенныхъ дружбою, общими литературными интересами и примѣромъ старшаго поколѣнія. Они сходились и бесѣдовали о дружбѣ и о литературѣ. Въ одинъ прекрасный день они основали Общество, т. е. записали на бумагѣ то, что ими руководило въ дѣйствительности. Новыхъ членовъ привлечь они не успѣли, а сами разъѣхались. Но дружба между ними продолжалась. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, не лучше ли будетъ ставить Дружеское Литературное Общество не исходнымъ пунктомъ, откуда шло вліяніе на его учредителей-сочленовъ, а конечнымъ, какъ результатъ уже давно предшествовавшей дѣятельности, какъ результатъ желанія оформить то, что уже всѣми и раньше переживалось. Съ этой стороны, значеніе Дружескаго Литературнаго Общества, при новомъ матеріалѣ, и послужить предметомъ дальнѣйшихъ замѣчаній.

Предложенный выше матеріалъ самъ собой вызываетъ вопросъ, чѣмъ былъ и что представлялъ изъ себя Андрей Ивановичъ Тургеневъ, смерть котораго такъ оплакивалась. Акад. А. Н. Веселовскій болѣе другихъ остановился на выясненіи его личности, называя его энтузіастомъ и подчеркивая его значеніе для Жуковскаго и вообще для разсматриваемаго кружка. За Веселовскимъ слѣдовали и другіе. Общая скорбь по поводу его смерти заставляетъ познакомиться какъ съ нравственнымъ обликомъ, такъ и съ литературными вкусами Андрея Тургенева. Напередъ можно сказать, что собственно литературная его дѣятельность не могла оставить какого либо замѣтнаго слѣда

на ходѣ развитія нашей литературы; но если всѣ единогласно признавали его значеніе каждый для себя, то для исторіи далеко небезинтереснымъ является выясненіе того вліянія, которое оказывалъ Андрей Тургеневъ на своихъ друзей. Матеріаломъ для этого должны быть какъ его напечатанныя и еще не напечатанныя оригинальныя стихотворенія, такъ и переводы, съ одной стороны, и его переписка и дневники—съ другой. Послѣднія двѣ категоріи укажутъ намъ на интересы его и вкусы. Можетъ быть, онъ и не поразитъ насъ своимъ широкимъ міровоззрѣніемъ, но во всякомъ случаѣ явится передъ нами весь, въ процессѣ своего литературнаго, умственнаго и нравственнаго развитія. Особенный интересъ представить его переписка съ Жуковскимъ и Кайсаровымъ.

Если мы будемъ разсматривать внутреннюю жизнь Андрея Тургенева, то мы поневолѣ коснемся одного пункта, который имѣетъ значеніе не только для характеристики его самого, но и для характеристики всего тогдашняго поколѣнія, это его нѣсколько загадочныя отношенія къ нѣкоей Катеринѣ Михайловнѣ Соковниной, которой Жуковский посвятилъ стихотвореніе по поводу его смерти. Отмѣчено уже, что послѣдняя была предметомъ его любви но мы ничего не знали о тѣхъ перипетіяхъ, черезъ которыя протекала его любовь. Оказывается, что Соковнина болѣе любила его, нежели онъ ее. Исторія ихъ любви представляетъ собой большой интересъ какъ съ психологической стороны, которая касается, конечно, прежде всего ихъ самихъ, такъ и со стороны, такъ сказать, общественно-бытовой. Она, съ своей стороны, пополняетъ тѣ наши свѣдѣнія о русской образованной дѣвушкѣ, объ ея внутренней жизни, которыя мы получаемъ въ ограниченномъ числѣ изъ другихъ источниковъ, и которыя въ своей совокупности болѣе и болѣе уясняютъ намъ фізіономію Пушкинскои Татьяны. Письма Маріи Андреевны Протасовой, опубликованныя въ Уткинскомъ сборникѣ, примыкаютъ въ перепискѣ Андрея съ Катериной Михайловной Соковниной; къ тому же и Жуковский былъ между ними посредникомъ. Катерина Михайловна горячо любила Андрея Тургенева. Послѣ ея смерти, случившейся въ 1807 г., Александръ Ивановичъ пишетъ къ Жуковскому: „Напиши мнѣ, страдала ли она, или спокойно разставалась съ міромъ, гдѣ для нее почти ничего уже не оставалось. Въ томъ мірѣ должно начаться ея блаженство. Здѣсь она не вѣдала его. Тамъ кругъ ея, тамъ мать, отецъ ея, тамъ братъ мой, тамъ всѣ наши, тамъ и батюшка, который какъ дочь любилъ ее. Помнишь ли ты, какъ она утѣшала его послѣ смерти Андрея,

помнишь ли, какъ любилъ видѣть ее, какъ онъ утѣшался небесною страстью ея къ сыну его?" Если любовь „идеалистовъ“ 40-хъ годовъ заслуживаетъ вниманія, то не менѣе заслуживаетъ вниманія любовь „сентименталистовъ“ начала XIX вѣка, вызывающая на психологическій анализъ и обрисовывающая намъ русскую женщину съ ея задатками на самопожертваніе. Произвести этотъ анализъ въ предѣлахъ доступнаго матеріала явится также прямой задачей, вытекающей изъ приведеннаго выше матеріала.

Не останавливаясь на другихъ общественно-литературныхъ фактахъ, затрагиваемыхъ въ приведенномъ матеріалѣ, не мѣшаетъ точнѣе изобразить картину, что представляли собой русскіе Геттингенскіе студенты, образцомъ которыхъ въ данномъ случаѣ является Александръ Ивановичъ Тургеневъ и которыхъ имѣлъ въ виду Пушкинъ, рисуя намъ Ленскаго „съ душою прямо Геттингенской“. Наши студенты учились въ Геттингенѣ тогда, когда у насъ преобразовывались университеты и вызывались иностранные профессора для преподаванія. Не мало ихъ было вызвано и изъ Геттингена. Небезынтересно по-смотрѣть, какъ относились русскіе студенты къ такимъ профессорамъ, когда послѣдніе были еще у себя на родинѣ. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и у насъ съ университетскихъ кафедръ начнется проповѣдь натуръ-философіи, и мы теперь можемъ видѣть, какъ одни наши молодые люди, въ томъ числѣ Тургеневъ и Кайсаровъ, попавъ въ Геттингенъ, углубляются въ историко-филологическія науки, а другіе, попавъ, напримѣръ, въ Вюрцбургъ и Марбургъ, съ удивленіемъ и восторгомъ говорятъ о новомъ направленіи, о Naturphilosophie, и эти два теченія дѣлаются замѣтными затѣмъ и въ Россіи. Прослѣдить вліяніе указанныхъ двухъ направленій на нашихъ юношей начала XIX вѣка также войдетъ въ задачу одного изъ послѣдующихъ очерковъ.

В. Цстриль.
